

ЕВГЕНИЙ КУШЕВ

**ОТРЫВКИ
ИЗ ТЕКСТА**

Евгений Кушев, род. в 1947 г. Двадцатилетие встретил в Лефортовской тюрьме (куда попал вместе с В.Буковским и В.Делоне за участие в демонстрации протеста). Эмигрировал на Запад в 1974 г. Поселился в Великобритании, где преподавал в университетах Сейнт-Эндрюс (Шотландия) и Рединг (Англия). С 1982 г. комментатор русской службы радио «Свобода», а с 1987 г. главный редактор ее тематических программ.

«Отрывки из текста» были впервые опубликованы в журнале «Грани» в 1974 г.

The background of the cover is a complex, abstract composition of overlapping, semi-transparent diagonal lines in various shades of gray and black. These lines create a sense of depth and movement, resembling a layered or fragmented surface. The overall effect is a high-contrast, textured visual field.

ЕВГЕНИЙ КУШЕВ
ОТРЫВКИ
ИЗ ТЕКСТА

Кушев Евгений. **ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА.** М., «Мосты»,
1994 — 120 с.

ISBN 5-87187-014-7

© Е.И. КУШЕВ. 1994

© А.А. ШАХГЕЛДЯН. Оформление. 1994

© «МОСТЫ». 1994

Дробь выбиваемая колесами похожа на неврастени-
ческую дробь барабанов перед казнью

серый солдатский строй на переднем плане столбы
и жуткое зияние свеженьких ям мужественные лица
осужденных отказ от исповеди плевки в офицерскую
морду прощальные крики тонут в громовых раскатах
дружного залпа

последние кадры кинофильмов о войнах и рево-
люциях

приходится то и дело сгибать колени амортизиро-
вать

словно летишь на лыжах с крутой горы

откидываться спиной к стене чтобы не упасть ког-
да заносит в сторону на поворотах которых слишком
много на этом отрезке железнодорожного пути

Противно ноют зубы

появляются и исчезают снова выплывают и проно-
сятся мимо поля с грязными подпалинами на сером сне-

гу склады кирпичные и блочные заборы новые кварталы дома в двенадцать и четырнадцать этажей дорога без твердого покрытия ямы красная глина несчастный грузовик притулился у обочины несчастный шофер роется в моторе рытвины пустое пространство грязь вдоль насыпи белое небо лес на горизонте синий и голубой

— Простите с какой стороны будет платформа —
вопросительно смотрит и ждет ответа маленький человек мятая шляпа съехала на затылок пальцецо драпвелюродерюга во рту папироска-гвоздик зажег спичку и прикурил талантливо обнимая пламя чтобы не задуло лес на горизонте синий и голубой белое небо вблизи маленькие зеленые елочки голые ветки деревьев щети-на кустарника закиданный снегом овраг

наплевать ну абсолютно наплевать с какой стороны будет платформа и какое это имеет значение неужели нужно экономить даже шаги

овраг искусственный пруд оранжевый трактор переезд и платформа с левой стороны по ходу поезда
маленький человек выходит

— Вот слева платформа —
бубнит себе под нос и роняет папироску растяпа
злобно шипя сдвигаются створки автоматических дверей ты снова принимаешься разглядывать унылый пейзаж непонятно какого времени года месяц зимний а оттепель навязывает весну

мост а внизу шоссе поток машин фабрика или завод черный дым из высокой трубы серые крыши цехов огромные буквы «НАША ЦЕЛЬ — КОММУНИЗМ!» приземистые строения поселка пустая улица тяжело ползущий автобус гора угля будка путевого обходчика

двое входят в тамбур
взгляд останавливается на стае ворон кружащей над полем

очень сильно болит голова загнули в голову железный болт раскроили череп на две равные части
геометрия

двое курят пускают дым кольцами у кого лучше получится у обоих получается очень хорошо

красные фанерные щиты белой краской ровно и аккуратно «Слава труду!» на одном и «Слава КПСС!» на другом

стены тамбура исцарапаны ногтями гвоздями ключами ножами булавками все имена инициалы клички даты и даже одно неприличное слово из трех букв синоним мужского полового органа

двое продолжают курить

прошлогодняя жалкая трава на откосах мусор гравий огромная пустая консервная банка из-под балтийской салаки блестит как зеркало

поезд замедляет ход

бам-бам стучат бам-бам колеса бам-бам

водонапорная башня виадук крохотные домики с крохотными участочками огороженные крохотными заборчиками здание станции пронзительная розовая краска церковь вдали синяя с белым действующая в подтверждение чего золотом сияют все восемь куполов черный мужской силуэт прыгает под колеса локомотива черными буквами «не ходите по путям — опасно для жизни» расписание к Москве и расписание от Москвы газетный киоск

проезжаешь мимо

выходишь

возвращаешься назад

мимо повалившейся изгороди мимо шикарного объявления «сегодня в клубе вечер танцев» через голое поле в сторону церкви по широкой хорошо утоптанной тропке с правого боку магазин торговля вином хлебом сахаром конфетами табаком и крупами за магазином элегантный пивной ларек возле него мужичишка в ватнике с пустой кружкой в руках пьяно пританцовывает очень сильно болит голова

пиво мутное и кислое но от него становится легче а пьяный мужичишка пытается что-то вымолвить ты не

слушаешь его
теперь церковь совсем близко
женщина в синем платке идет навстречу лицо ничего
не выражает идет
и всё разминулись поскользнулся и чуть было не
шлепнулся
сияют купола
ворота
церковь остается за спиной
сгорбленная старушка-сторожиха синий нос крючком
как у бабы Яги только помела нет есть обычная клюка
с резиновой обувкой
еще одни ворота
люди
тропинки разбегаются в разные стороны
— где мне тут искать сто двадцать третий участ-
ток —
вопрошает мужчина в дохе
— это где-то там в той вот стороне —
сугробы с обеих сторон и слева и справа сугробы одни
только сугробы огромное пространство сугробов
вот и добрался
— здравствуй мама —
небольшой сугроб выпуклость земли укрытая снегом
могила похожая на сотни других фанерные тумбы с
красными звездами гранитные плиты
железные кресты арматура цепи планки и рейки ска-
мейки и столики могильные ограды похожи на детские
кроватки радужные цвета зеленый и голубой
огромное белое поле в сугробах
пустая поллитровая бутылка
железная табличка утонула в снегу
отбрасываешь рукой снег
болт поворачивается в голове
оступаешься
мама
падаешь

сколько тут снега и не тает
на могилу и лицом в снег
плачешь

Новый год встречаешь в компании чужих и чуждых
людей роковое стечение обстоятельств ошибка которую
не исправить

всеобщее внимание привлекает киноактриса Марина
Текинская почти красавица рекламная открытка с ее
изображением

кстати очень неудачная ведь в жизни Марина куда
эффектнее продается во всех киосках «Союзпечати» и
стоит пять копеек она выпущена бюро по пропаганде
киноискусства и сообщает на обороте что Марина Те-
кинская в 1966 году окончила актерский факультет
ВГИКа и снималась в фильмах

следует несколько мудреных названий

открытка не сообщает физических данных но примерно
так сказать «на глазок» рост Марины 167 сантиметров
а объем груди талии и бедер на глазок не определишь
на открытке нет также ее ног красивых и сильных
мужчины крутятся около неё и очень ласково произ-
носят

Марина Мариночка Мариника

ну это уже полная глупость

возражает актриса

что еще за Мариника

и автор Мариники пристыженно опускает глаза а они

у него великолепные

присутствие Марины является неоспоримой заслугой
хлебосольных хозяев дома затащить такую птичку в
глубокий мещанский омут мало кому по силам

пятый час утра и скоро уже начнет работать метро а
такси поймать в эту пору просто гиблое дело

женщины выдохлись и сидят в рядочек за столом

на столе еще много выпивки остатки закуски горы
грязной посуды холодный чай в элегантных чашечках
злобно взирают на своих мужей
ведут милую беседу
не нахожу в ней ничего особенного очень заурядное
лицо не понимаю что в ней нравится мужчинам тоже
мне звезда и в рифму
мужчины всегда теряют голову в присутствии знаме-
нитостей
оставьте дорогая вы тоже ужасно любите имена
я да вы с ума сошли пропади они все пропадом эти зна-
менитости мы просто живем в доме где много писателей
генералов актеров поневоле приходится общаться
кстати знаете этот из Большого театра ну как его ну
очень известный так я узнала что он педераст
а они там все такие
нет зачем вы так говорите многие женаты
а это только для отвода глаз
посмотрите посмотрите да посмотрите же как ваш юлит
возле этой
нет это ваш юлит
все они юлят все хороши мерзавцы
посмотрите посмотрите ваш помолодел лет на десять
посмотрите ваш уже наакался за своим следите сей-
час упадет
не упадет еще столько выпьет и хоть бы что
ну и прорва
я ужас как устала сейчас лягу прямо тут и усну
и я устала сейчас ляжем друг на дружку и захрапим
а шалопаев этих
выгоним ха ха ха
представляете я спала сегодня часа три не больше то
то надо сделать то это
у М. П. жуткая трагедия буквально на днях разбилась
его жена насмерть
ну конечно насмерть
самолет разбился

нет хуже ехала в автомобиле так колесо отвалилось бах
и все
а я вот слышала что она с любовником из-за города
возвращалась с дачи обои пьяные были в стельку ну
и вот
полная чушь я-то уж получше вашего знаю мы с М. П.
живем в соседних подъездах он просто убит горем
как же он сегодня по телевизору выступал такой ве-
сельный жизнерадостный
что им делается артистам надо плакать так плачут а
надо смеяться так смеются
ну не говорите такое горе
эти передачи готовятся заранее за месяц или за полтора
не знаю но заранее
ох на самолетах лучше не летать боюсь я этих само-
летов едешь на поезде все так тихо спокойно
а я вот только на самолетах и быстро и удобно и
приятно
вы смелая женщина
смотрите ваш целует ей руку о как это трогательно
пускай целует я не ревную он обожает это делать
а мне он не целовал
он целует только худым блондинкам
худые блондинки фи у него дурной вкус
как вы думаете сколько ей лет
думаю что-нибудь около тридцати
если ее умыть и высморкать то все сорок будет
не болтайте она молода
но изрядно потаскана
кто-то пускает магнитофон на полную катушку быст-
рый безумный твист Чеди Чекер очень старая запись
тата тира тира ти та ра ти ра татура тира тира та ти
ра ти ра
Марина высокая стройная блондинка грациозно взмахи-
вает руками волосы распущены туфли сброшены она
готова начать танец а мужчины вьются как ужи тря-
сут задами виляют бедрами

сейчас поищем поищем он только что был тут
Боба пьяный в дым мирно спит в соседней комнате
подложив под голову собственный ботинок
спишь негодяй он всегда спит когда выпьет
она прикладывает ладонь к его лбу как это делают
детям когда хотят узнать есть ли у них температура а
Боба открывает глаза и ноет плаксивым голосом
о я несчастный сплю тут на коврик а дома меня ожи-
дает теплая постелька я одинок я покинут я страдалец
Бобочка маленький я тут я с тобой уже пора ехать
о минутку еще только одну минутку если я сейчас вос-
стану то жидкости наполнившие меня выплеснутся на-
ружу о это будет настоящий потоп товарищи дамы и
господа краснокожие братья и сестры мои
соорудите скорее ковчег
может быть принести таз
он просто притворяется
говорит Марина и двумя пальцами брезгливо вытаски-
вает ботинок из под его головы кидает ему на грудь
о ты обидела мой ботиночек мой бедный ботиночек о
мой бедный ботиночек тебе больно больно больно
Бобочка нежно целует свой бедный ботиночек
молчи дурак прекрати паясничать мне это надоело че-
рез пять минут мы поедem
мужья шушукуются между собой жены зевают и кор-
чат рожи зевота
одолевает всех женщина с бокалом шампанского ходит
из угла в угол
ходит из угла в угол
Мариночка мы сейчас снова пустим твист
она отгоняет их рукой кыш кыш брысь пошли
нет не нужно я очень устала танцуйте сами
выходит на кухню и садится там у раскрытого окна
смотрит на тебя
её безразличие сменяется некоторым интересом зажи-
гаешь спичку и прикуривая она берет тебя за запястье
и дрожь пробегает по твоей руке и расходится у шей-

ных позвонков она курит то и дело высовывая кончик
розового язычка пристально изучает тебя или подраз-
нивает

яркий свет режет мне глаза

и щелкает выключатель

вы любите стихи

спрашиваешь ты робея от ее близости от запаха духов
и помады этого химического барьера

что ах стихи ну конечно

рассеянно произносит она

я сама пишу стихи милый

Марина

обнимаешь ее за плечи и она сама начинает целовать
тебя она прокусит тебе губу

о я дура я глупая дура

она отстраняется запускает руку тебе в волосы и пов-
торяет

я дура я глупая дура

ты снова пытаешься обнять ее

нет нет я устала все я хочу на свежий воздух мне надо-
ели эти морды

она гладит тебя по волосам

плюнь ты на этого Бобочку поедем вместе давай пое-
дем вместе

нет нет я пьяная я глупая дура

о какой тут интим о фо фо

наигранный голос женщины с бокалом шампанского
вспыхивает свет из коридора доносятся голоса гости
собираются по домам Бобочка в носках бегаёт по квар-
тире

где мои ботиночки ау мои ботиночки ау я ищу вас

хватит валять дурака идиот

зло говорит Марина и бьет его по щеке

Бобочка кривит губы все смотрят на него широко рас-
крыв глаза

зачем вы так он очень забавен зачем

он очень забавен этот идиот очень забавен

произносит Марина и снова бьет Бобочку по лицу
Бобочка сейчас заплачет
я и вам могу
оставь их оставь эту психопатку мало того что крутил-
ся около неё весь вечер
Марина резко поворачивается
заткнись сука
и муж и жена и все прочие что стоят у дверей разева-
ют рты однако пора прощаться
спасибо спасибо очень рада была познакомиться боль-
шое удовольствие очень рада спасибо
Марина похожа на большую куклу
ах ах
ты помогаешь ей надеть шубку
удивительная особа хамство граничит с непосредствен-
ностью
но женщина с бокалом шампанского не успевает до-
говорить
заткнись сука
ах ах
все ошарашены
Марина с Бобочкой выскальзывают за дверь ты за ни-
ми Бобочка еле стоит на ногах
неужели мы больше не встретимся
ласковый шёпот щекочет твое ухо
встретимся милый непременно встретимся я жить без
тебя не могу
и она дает тебе бумажку со своим телефоном

Очень интересный номер акробатический этюд или что-
то вроде спортивного танца
большая кукла очень похожа на Марину
кукла отлично сделанная кажется двигается сама по
себе она как живая актер в черном трико а кукла в
красном желтое пятно прожектора и они в этом пятне

и очень приятная музыка
но зал аплодирует им меньше чем скажем поджарому
тенору исполнителю бездарных задушевных песен или
жонглерам которые хоть и уронили один раз булаву но
зато здорово вертели шары указательными пальцами
по-моему глупый номер
считает девица сидящая рядом
попробовал бы он меня поднять и повертеть
актер раскланивается заставляя поклониться и куклу
поклон куклы естественный и грациозный больше все-
го умиляет публику раздаются хлопки
да пожалуй глупый
соглашается спутник девицы и поправляет цветастый
галстук его лицо выражает мучительную попытку ос-
мыслить происходящее
окончилось первое отделение и весь зал мчится в бу-
фет трое пожилых мужчин обсуждают новости хоккея
женщина в розовой кофте хрустит яблоком запасливо
принесенным с собой
а что есть яблоки в буфете
не знаю по-моему есть
Маруся нужно взять килограммов пять жаль не захва-
тили с собой сетки
ничего в пакеты возьмем
у входа за кулисы маленькая старушка в черном хала-
те не доверяя своим силам зовет на помощь пожарни-
ка тот шевелит пушистыми усами и зычно трубит
нельзя сюда молодой чеек тута актёры
видя что на него не обращают внимания он раскидыва-
ет руки загораживая проход и снова трубит
идите в буфет в фойе а сюда нельзя артисты тута де-
корации
но ты пробиваешься сквозь живую изгородь погони нет
трубные звуки затихают за спиной
светловолосая женщина в тёмном костюме пьет кофе
из термоса
понравился концерт

очень а вы будете выступать
о нет я всего лишь администратор
скажите а этот номер с куклой этот артист еще не ушел
нет не ушел он здесь могу вас с ним познакомить
будьте любезны
и вы идете вглубь коридора
а это удобно
интересуешься ты
удобно
артист уже переоделся в свитере он кажется более худым чем на сцене вытирает полотенцем лицо
Миша с тобой хочет познакомиться молодой человек
она уходит тук тук тук
чем могу служить
артист поднял голову и бросил полотенце в раскрытый чемодан
интересно взглянуть на вашу куклу мне очень понравился ваш номер это так оригинально
смотрите
бурчит артист пожимает плечами и открывает футляр
ну просто живая женщина лежит в нём с открытыми глазами
она из полиэтилена
артист Миша не ответил он вышел в туалет
ты гладишь куклу по волосам пальцем касаешься ее губ оттягиваешь трико на груди как настоящая только без сосков и пытаешься усадить ее но вот входит артист Миша и нервно произносит
не трогайте
она что живая
да живая
говорит артист и поджимает губы они у него тонкие и злые

Встречаешься с Мариной в поздний час у «Националя»

совсем случайно ты старый добрый знакомый и она кидается на шею
я пьяная я совершенно пьяная я на Новый год была пьяной и значит примета сбывается возьми меня к себе я хочу в тепло
в такси она лезет целоваться
ой задушишь мой славенький зверёчек
она смеется у нее изумительные зубы
а это портрет твоей девушки
спрашивает она у тебя дома
это моя мама
очень интересная женщина да да вы очень похожи значит когда она придет я должна буду уйти
она умерла
и у меня мама умерла это так ужасно просто невыносимо а когда умерла твоя мама
на этот Новый год когда мы познакомились
бедный мальчик у него умерла мама
говорит Марина и снимает платье и кидает его на пол и снимает чулки и прыгает в постель и укрывается одеялом
гасить свет это ее профессия
о как жёстко ты что спартанец
пытаюсь
ты очень смешной я тебя люблю у тебя очень смешная верхняя губа дай я тебя укушу
я тоже люблю тебя моя собачка
гав гав я тебя съем о какой ты сильный ты что занимаешься каким-нибудь самбо
ношу женщин на руках
значит очень часто сильный великолепные мышцы стальные
поцелуй нет не так вот так так
сильный
ты вся моя вся моя
да да о положи руку вот сюда
я сразу влюбился в тебя

глупенький мой глупыша
ты вся моя
да
и я хочу быть с тобой всегда и никогда не разлучаться
никогда
оставь это мы всегда вместе
зачем тебе этот Бобочка ну пошли его к чёрту
не обижайся пойми он мой муж муж он спас меня он
спасает меня каждый день каждую минуту я не могу
убить его он добрый он славный
милая родная
не надо ты этого не понимаешь
иди
он добрый он хороший о Боже мой я мучаю его я всё
ему рассказываю я издеваюсь над ним
я хочу чтобы ты была только моей
я не буду больше приходить
будешь я люблю тебя мы любим друг друга
я приду милый
мы будем всегда вместе
да милый
люблю
о как хорошо
да очень хорошо
но утром всё будет по-другому только ночь наша
нет всё время наше все дни и ночи
утром тебе будет противно
утром мне будет прекрасно
как смешно но я сейчас гораздо пьянее чем была
я тоже
милый мой
люблю тебя люблю слышишь
милый
ты спишь
нет не сплю я не могу с тобой спать я ужасно счастли-
ва с тобой
и я

но надо спать
надо
спи
не буду спать не хочу спать не умею
тебе жарко
нет нет нет я люблю тебя не уходи будь со мной все-
гда вот так со мной мне страшно без тебя я люблю тебя
я боюсь без тебя ты нужна мне я сам себе не нужен
только ты нужна мне ты понимаешь о чем я говорю

Я приехал домой а мама пила чай под глазами у нее
были темные круги мама пила крепкий чай
когда вы приехали
в семь утра что-то около этого под глазами у нее были
большие темные круги я поздравил ее с Новым годом
поцеловал не помню уже сейчас сколько раз ну это не
имеет значения и лег спать
и сколько спали
часов пять
значит легли в семь а встали в двенадцать
нет я просыпался раньше часов в десять и звал ее но
она не отвечала в квартире было тихо я думал она спит
и снова уснули
и снова уснул а потом проснулся от внезапного толчка
что-то толкнуло меня мне стало не по себе я вскочил и
кинулся в ее комнату но к двери было приставлено
кресло с той стороны я толкнул дверь кресло упало я
влетел в комнату и увидел маму она сидела на тахте
а голова свесилась на грудь
сидела на тахте а голова свесилась
даже не сидела, а как-то полулежала была в какой-то
неестественной позе на плече у нее сидела наша кошка
Савелий
кот Савелий
нет кошка Савелий она у нас самочка

а почему у нее мужское имя это неправильно
неправильно то что у нее человеческое имя а вообще-то
кошки едят покойников вот у нас в деревне
послушай бабуся замолчи-ка со своей глупостью
нет едят едят
бабуся очень обижена
продолжайте
я выбежал на улицу в автомат дома у нас телефона нет
вызвал скорую помощь
а как вы поняли что нужно вызвать скорую помощь
как это понял
ох ох бедный мальчик ох
рядом с мамой у ее ног на полу стоял стакан с остатка-
ми белой кашицы она сначала развела таблетки а по-
том выпила тут же валялись пустые пакетики из-под
люминала целых восемь штук и два потом я нашёл в
помойном ведре
так в помойном ведре а записки никакой не было
нет нет не было я не стал ждать скорую помощь а взял
маму на руки и понес в больницу она тут рядом метров
триста не больше
почему она поступила так как вы это объясняете
не знаю у нее была очень тяжелая жизнь ее не приняли
в комсомол
не приняли в комсомол но это было так давно
ее отец был священником он умер давно еще до войны
и маму из-за этого не принимали ни в комсомол ни в
институт а еще старший сын то есть ее брат эмигриро-
вал в Харбин от так и исчез о нем ничего не известно а
первый муж мамы умер во время войны
погиб
нет умер в лагере он был скрипачом и отказался идти
на земляные работы боялся испортить руки и ему дали
три года он вскоре умер в лагере от туберкулеза а мама
была на фронте она лейтенант юстиции и там познако-
милась с моим отцом первый ребенок у них умер потом
они разошлись я еще в школу не ходил у нее никого не

было кроме меня а я последнее время редко бывал дома
а что так
да занятий много в институте когда вставал ее уже не
было ушла на работу а когда приходил так она спала
вот здесь распишитесь
следователь уходит и тут врывается целый табун
одних ты не знаешь совсем других изредка встречал
лица третьих смутно помнятся по фотографиям
родственные чувства родственные чувства
нет не так
ройственные чуйства
так вот лучше пожалуй точнее
врываются не только родственнички но и какие-то яко-
бы друзья и все якобы сочувствуют
расположились на постой стреножились и в большой
комнате и в маленькой и в прихожей и на кухне
окружают кольцом засыпают вопросами зудят как му-
хи жужжат как шмели бубнят как докладчики ноют
воют пищат заламывают руки обнимают целуют толь-
ко волосы на голове не рвут
ах какие у них слюнявые губы
распоряжаются советуют сетуют участвуют
заверните на кухне кран погасите в уборной свет от-
кройте дверь
завёртывают гасят открывают произносят очень длин-
ные фразы
например
жаль очень жаль что так произошло и надо же было та-
кому случиться
о какой ужас просто кошмар а мы так все любили вас и
конечно это трагедия потому как одному очень тяжело
будет но не надо отчаиваться жизнь на месте не стоит
жизнь продолжается и все хорошее у тебя еще впереди
думают
она была противной неприветливой не любила нас ни
разу не поздравила с праздником к куму брату свату не

приехала на юбилей и уж конечно считала нас дураками

я знаю знаю

киваешь головой а сам считаешь

вы никогда не любили её ни разу ничем не помогли осуждали стыдили оскорбляли и она вас терпеть не могла презирала не помнила не знала отворачивалась при встрече

гудели

каким она была хорошим человеком у нее трудно сложилась судьба но мы советовали ей предупреждали мало того вот Маркел скажет он-то всё-всё знает он скажет

ну скажи скажи дядя Маркел

и он говорит но ты не слушаешь его

мама отличалась от вас всем всем всем внешностью голосом манерами всем всем всем ей никто не давал больше тридцати лет а она с двадцать пятого года она никогда не повышала тона и никогда не злилась она понимала массу вещей которых вам никогда не понять вы тупые ее нет а вы живы завистливые злые знающие толк во всем правильные честные умудрённые жизненным опытом обманами лестью подхалимством корыстью подлостью

как же ты теперь будешь жить

кто тебе будет помогать

ты должен прописать к себе кого-нибудь ну хотя бы моего Славку он как-никак твой троюродный брат

жаль что хорошая квартира со всеми удобствами правда нет мусоропровода но зато помойка рядом и можно сбежать туда не надевая пальто и такая квартира останется этому молокососу который не знает ещё почему фунт лиха и не умеет трудиться он начнёт водить девиц и станет пьянствовать попадет под дурное влияние и тут его сцапают и дадут срок и отправят в лагерь а квартира пропадет хорошая квартира из двух комнат со всеми удобствами правда нет мусоропровода

ты думай думай как будешь жить дальше
не знаю не хочу сейчас об этом говорить
о милоч только сейчас об этом и говорить тебе нужно
обязательно закончить институт и только не вздумай
жениться а не то отсудят у тебя жилплощадь и самое
главное это поменьше друзей они до хорошего не дове-
дут сам брат знаешь дружки приятели водка девочки
а потом в карман залезешь
они толпятся кишат вокруг мотыль для кормёжки аква-
риумных рыбок раскрывают рты и пасти животные
брызжут ядовитой слюной хлопают глазами вздымают
брови закатывают глаза выдавливают сострадание лы-
сые бритые брюхатые бледные круглые розовые квад-
ратные лохматые
гладкие плоские зелёные двулапые и четвероногие кро-
кодилы пни коряги черти полосатые они окружили их
носы впиваются сейчас проткнут насквозь
где тут можно помыть руки
безусловно тебе не следует оставаться одному о воспо-
минания это не так уж просто о прощу поверить мне
когда умерла моя бабушка я от горя места себе не нахо-
дила не знала куда себя девать
брат троюродной твой славный малый рыболов а азарт-
ный какой
поверь мне я на воспоминаниях собаку съел
ой что за ужас вошёл и увидел представляю что ты ис-
пытал бедный мальчик а сколько же тебе лет
ой ой ну ребенок ну совсем ещё ребенок в его возрасте
я была круглой дурой
зачем же она это сделала вне всякого сомнения за этим
кроется какая-то темная история вот до чего доводит
беспутство легкомыслие чрезмерная гордость
только в уборной можно спастись от этих насекомых
жаль сигарета как назло не тянется
туалет здесь
скребутся кто-то гасит и снова зажигает свет
занято там кто-то сидит

а где он вы его видели
только что был здесь
ногой спускаешь воду для конспирации и снова выхо-
дишь к этим беспозвоночным
с отцом-то ты как уважай отца-то ему тоже плохо от-
цу-то
набрасываются они
поговорил бы с отцом
отец он всегда отец пропустите его к отцу
а где он где он
он только что вышел на лестничную клетку
пропустите его к отцу
сейчас его позовут
стоишь и слушаешь стоишь и слушаешь что говорит
тебе отец низкорослое корявое существо с бараными
глазками бородавкой на носу и шерстью в ушах которое
обзавелось новой семьей жена с детьми сейчас дома
пьют чай и смотрят телевизор а само аккуратно выпла-
чивало алименты регулярно встречалось с тобой води-
ло в цирк и в зоологический парк показывать себе по-
добных
слушаешь отца глядишь на институтский значок при-
винченный к лацкану его черного костюма уже совсем
не нового слушаешь его в такси по дороге в морг и в
автобусе с черной полосой который везет гроб на клад-
бище а голова мамы глухо стучается о стенки на ухабах
тук тук тук
ее сильно заморозили очень сильно
какое сегодня число
седьмое января
вы с ума сошли сегодня восьмое
не может быть
вот не знала что кресты продают и недорого железный
крест всего 12 рублей 50 копеек это же на всю жизнь
хватит
не сильно дерут
погоди вот я на заводе договорюсь такую ограду сделаем

для памятника нужен черный камень
а фотографироваться будем
это как сын решит
он не хочет
напрасно
гроб родственникам нельзя нести это примета такая кто
понесет тот следом и в могилу сойдет
а в церкви отпевали
как можно ведь хоронят за счёт предприятия
самоубийц не отпевают
открывать будем
у могилы откроем жуткий мороз
да холодина такая что околеть можно
надень шапку-то уши отморозишь шапку-то надень го-
ворю а не то менингит схватишь мороз-то какой лютый
смотрите смотрите генерала хоронят а солдат-то сколь-
ко нагнали
смотрите с ружьями стрелять будут
а вот совсем свежая могила
впереди смотрите сколько пропасть людей умирает
а молодых сколько
далеко еще мороз жуткий какой
кто-то плачет а ты нет мельком смотришь на маму и от-
ворачиваешься
подойди попрощайся
он хочет запомнить маму живой
оставьте его в покое отойдите
двое верзил слегка пьяных ловко опускают гроб в моги-
лу люди согласно обычаю кидают комья мерзлой зем-
ли бах бах бах по крышке гроба очень гулко кто-то
кашляет кто-то всхлипывает кто-то сморкается огляды-
васься на маленький холмик рыжей глины ветер раз-
вевает ленты на тряпичных венках обжигает твои щёки
ну кажется всё в порядке
удовлетворенно говорит представитель предприятия
в ушах всё еще раздаются резкие удары молотка
крепись мужайся

искренне соболезуем искренне

ты молчишь

молчишь и по дороге домой отец снял ботинки и пальцами разминает копыта молчишь на поминках где пьют водку из маленьких стаканчиков и не чокаются как обычно молчишь и смотришь как пожирается мясо как обглаживают бараньи кости кладут на тарелки кислую капусту режут на дольки соленые огурцы молча киваешь головой в знак прощанья

мужайся мы будем заглядывать тяжело но что брат поделаешь думай о будущем всё забывается время лучший доктор

и остаешься один

В уютной хорошо обставленной квартире за большим столом сидят вполне приличные люди ведут приятную беседу о том о сём

ласковые голоса женщин

отчетливая речь мужчин

легкое вино черный кофе пирожные фрукты минеральная вода

как в лучших домах Лондона и Филадельфии

шесть человек три женщины трое мужчин и ты седьмой очаровательный блондин

как отмечают женщины

или светлый шатен с мужественным подбородком и соколиным взором

таково мужское мнение

хозяйка чуть склонная к полноте живая и обаятельная ей что-нибудь около сорока излагает обстоятельства вашего знакомства

иду по улице и ужасно трушу я вообще ужасная трусиха вы это знаете время позднее второй час ночи жуткий ветер фонари не горят всё эта экономия электричества а вы знаете какой у нас бандитский район

и тут слышу у себя за спиной шаги о Боже просто
разрыв сердца
хозяйка с улыбкой смотрит на тебя
это был он
теперь уже все смотрят на тебя
это был он я сразу прониклась доверием у него такие
очаровательные глаза такие чистые ну думаю банди-
том быть не может и попросила оказать любезность
проводить меня до дому он галантно взял меня под
руку и мы пошли рядом но тут меня снова объял жут-
кий страх а вдруг он ха ха попытается воспользовать-
ся моим беспомощным положением
присутствующие лукаво косятся в твою сторону ты
смуцаешься опускаешь взгляд теребишь бумажную
салфетку
но он вел себя по-рыцарски мы очень мило беседовали
сейчас уже не помню о чем именно кажется о погоде
я только попросила его чуть-чуть убавить шаг он ходит
очень быстро просто летит на крыльях ещё бы он пи-
шет стихи и какие изумительные стихи ну так вот он
довел меня до парадного и мне показалось что будет
как-то неудобно взять и сказать ему прощайте я при-
гласила его подняться выпить кофе милый мальчик
она гладит тебя по плечу
он сказал что это неудобно так поздно но я ему ничего
ничего и просто силой затащила в дом о настоящий
рыцарь а как он вытирал ноги так тщательно что меня
просто разобрал смех а шапку он снял еще до порога
и держал ее в руке с королевским достоинством милый
мальчик
погладила еще раз
пока я возилась с плитой он обложился книгами я по-
зволила ему порыться в шкафу и так увлёкся что даже
не слышал как я его звала но самое интересное произо-
шло утром я положила его вот на этом диване на нем
обычно спит муж но тогда он как впрочем и сейчас
был в отъезде ха ха мы всегда спим врозь он просто

измучил меня своей ночной работой сидит ночи напролет долбаёт на машинке как дятел курит дует крепкий чай журналистика жуткое дело так продолжаю в шесть утра раздаются звонки в дверь я со сна ничего не могу понять кто бы это мог быть в такую рань а это муж вернулся как в анекдоте ха ха нет не угадали летом мы отдыхали в Пицунде изумительное место сосны песок и одна приятельница уговорила меня сдать квартиру одному своему знакомому такой приятный человек грузин денег у него куры не клюют за полтора месяца он заплатил нам сто пятьдесят рублей итак звонки в дверь я набросила халат выбегаю рыцарь мой уже успел одеться и застелил даже постель нет по-моему даже убрал её куда-то и стоит посреди комнаты с самым невинным видом закройся в комнате говорю ему а сама спрашиваю кто там а в ответ откройте милиция нет заявляю не открою мы вам не звонили думаю действительно какая может быть милиция а они требуют откройте мы по очень важному делу я не открою боюсь вы не милиция открывайте открывайте мы в форме подумаешь в форме тот тип что в космонавтов стрелял тоже был в форме а они уже кричат откройте дверь что мы с вами будем шутики шутить я дверь на цепочку бац и открываю смотрю две усатые физиономии и в штатском только хочу снова захлопнуть как один из них раз и ногу вставил и под нос суёт мне удостоверение правда милиция пришлось их впустить и вот что оказалось наш бывший квартирант крупный аферист что-то там натворил и его посадили а эти двое прилетели на самолете из Тбилиси специально к нам узнать что он тут проживал ну спрашивали кто к нему приходил а я-то ничего не знаю выясняли не оставлял ли каких-либо вещей нет отвечаю ничего не оставлял спрашивают а сами всё на моего рыцаря смотрят думают наверно что это мой любовник ха ха ха а сами носами клюют очень устали спать хотят я предложила им выпить кофе раз уже так слу-

чилось они согласились вели себя очень мило и перед уходом пригласили к себе в Грузию правда адресов не оставили впрочем они из уголовного розыска их там можно будет найти ха ха ха

эта история вызывает общее оживление и один из мужчин начинает рассказывать о своем путешествии в Сванетию которую он исходил вдоль и поперек

знаете ли они все вооружены трофейным немецким оружием у них есть даже автоматы и главное там никакой советской власти там у них своя власть в каждом доме висит портрет Сосо первый тост обязательно за него я отказался пить они удивились почему я объяснил что у меня много родственников погибло в тот период и пить за это я не буду они посмеялись правда вначале я думал они меня зарежут но они больше не поднимали этого тоста интересно то что сваны очень почитают родителей и вообще всех пожилых людей если отец не пригласил сына за стол тот никогда не сядет сам хотя может иметь уже не только детей но и внуков

да да это именно так

у этих маленьких народов очень сильны старые традиции у нас у русских этого нет вот придите просто к кому-нибудь и скажите я мол русский ну и что же ответят вам а вот у нацменов всё по-другому у них солидарность

кстати интересные процессы происходят на Западе замечает кто-то

буквально десять лет назад никто не слышал о существовании каких-то там валийцев или бретонцев все считали что жители Уэллса и Бретани это англичане и французы и вдруг пожалуйста нате вам кидают бомбы требуют независимости называют себя европейскими индейцами или франко-канадцы в Квебеке тоже вдруг захотели отделиться спрашивается для чего и зачем их же там никто не угнетает в Канаде два официаль-

ных языка всё очень просто высокий уровень национального сознания культура
Мнемозина мощная женщина с хорошо развитой тазобедренной частью заявляет
хватит говорить обо всех этих меньшинствах голова трещит от этих проблем тем более они нас не касаются о еще как касаются
ерунда я вот расскажу вам какой вчера произошел со мной забавный случай
мы все внимание
наняла я женщину вымыть окна и вот явилась вместо мытья окон я получила концерт представьте себе бабу здоровую сильную целая гора и кондовый такой текст видит я булку маслом мажу у-у-у говорит хорошо пьтаетесь масло на столе а я так ведь только в кашу живете вы хорошо мебель стильная вещи красивые сразу видно что не ворованное и колготы на вас заграничные и туалетная бумага в уборной сразу видно культурно живете вы кто наверно актерка будете нет отвечаю косметичка а это что большая должность я вот плохо живу с сестрой и с мужем ее она у меня в мужском туалете работает и замуж вышла за милиционера не побрезговала а то сперва за еврейчика собиралась я отговорила у него из уха текло так я дура по деталям разбирать стала а богатый он был вот теперь мыкаемся племянник меня сукой называет а ему пятый годок только пошел и я ему желаю чтоб он культурно рос чтоб знал как ложку и вилку держать а он меня за это матом а я ведь гордая была теперь вот окна полы мою а диплом имею я на лифтершу кончила
тут все покатались со смеху
да еще много темных людей
и начинается разговор о культурном уровне населения проводятся параллели делаются выводы затем снова переходят к малым народам
чечены или черкесы не помню кто именно страшно ненавидят русских

а знаете ли вы что в Союзе около полутора миллионов немцев
по последней переписи населения количество евреев уменьшилось
крымские татары требуют чтобы им отдали все побережье
прибалты страшные националисты
якуты называют себя младшими братьями японцев но они не имеют к ним ни малейшего отношения
и чем дальше в лес тем больше дров
перескакивают с одного на другое
и все перемешивается
киндзмараули теперь нигде не достать недаром кавказцы обожают славянских женщин но литовки тоже страшные а Чиковани уже умер но постойте где же это было в Игарке или в Гудаутах перевести текст с абсолютной точностью просто невозможно заявляю вам как филолог что шашлык в шашлычной на Арбате делают из Цхалтубо в горы какой великолепный вид просто на Клухорском перевале в компании пьяных моряков в кафе Старый Томас где-то на юге и в Одессе тоже несмотря на всю бездарность подобного времяпрепровождения ты любишь бывать здесь в этой компании у Мадам как именуют
это моя подпольная кличка
хозяйку дома

Да и нет
добро и зло
белое и черное
таким представляется тебе все сущее в двенадцать лет ты уже большой и тебя окружают Викторы Гюго со всякими там гуманизмами
смелость честность благородство отвага храбрость долг справедливость нет середины а только так

правда и ложь
прекраснодушные люди не дали вырасти скорлупе ко-
торая могла бы предохранить от жестокости от правды
от злой правды а не от той доброй придуманной
проклятье им и благодарность
шестой класс
38 учеников столько-то девочек столько-то мальчиков
достопримечательность класса уникален феномен круг-
лый двоечник татарин Фатик
фамилия его забылась
что-то вроде Жамжымжабджинов
татарин Фатик обуреваем националистическими чув-
ствами его армия это непобедимая армия Чингисхана
железный поток ободранных истуканов со зверскими
мордами
твоя армия меньше морды тоже зверские но твоя ар-
мия борется за свободу твоя армия это буры твоя ар-
мия не сдается в плен
идет невиданное в мировой истории сражение
роковую роль сыграла книга Луи Буссенара «Капитан
Сорви-голова»
одна из лучших книг прекрасная книга
вот мамин голос
хватит играть в солдатики садитесь за уроки вы уже
не маленькие
падает сраженный пластилиновым ядром главнокоман-
дующий буров
сейчас сейчас нам мало задали
буры окружены но лучше смерть чем позорный плен
сражение проиграно но дух не сломлен дух не сломлен
Фатик ухмыляется и забирает дань проигрыш контри-
буцию шесть отличных марок острова Святой Елены
целую серию в идеальном состоянии с величественным
профилем английской королевы в правом углу
на улице жарко
дочь уборщицы тети Клавы твоя ровесница жадно ло-
пает мороженое за порцию мороженого она позволяет

себя тискать всем ребятам во дворе
а тетя Клава тащит тебя за ухо
опять ваш сорванец в чужие звонки спички вставляет
а дочь ее кретинка идет следом лопает мороженое и
ржет

мама не ругает за это не ругает за это и третий муж
мамы дядя Савелий инженер путей сообщения ему
просто наплевать он любит читать газеты любит не-

много выпить и плотно пообедать
я не люблю просто поесть а я люблю вкусненько от-

кушать
о это разные вещи

дядя Савелий боится простуды он кутает горло теплым
шарфом шарф этот гнусного кремового цвета и вообще
дядя Савелий похож на бабу он купил телевизор и
смотрит его по вечерам от и до он отдает маме всю
зарплату до копейки за исключением 25% которые вы-

читают у него за алименты
дядя Савелий приносит маме цветы

ты не слышишь что бы мама говорила ему нежные сло-
ва Савелий обед на столе

говорит мама

Савелий я взяла билеты в кино Савелий у нас не за-
плачено за свет

Савелий я купила тебе перчатки Савелий неужели ты
не можешь привинтить розетку

жирная морда Савелия и его домашние туфли все время
перед глазами до того самого весеннего дня

какое же это было число

1962 года когда он как ошпаренный выбегает из квар-
тиры

время близится к полуночи

похожий на ободранного кота или на испуганную крысу
и вслед за ним летят два чемодана два огромных че-
модана с его шмотками

прелестная картинка

Савелий хватает чемоданы у одного у коричневого об-

рывается ручка и Савелий пытается взять его под мышку мама стоит в дверях с немецкой статуэткой в руке память о Восточной Пруссии Савелий после войны больше года ошивался в Кёнигсберге

бросить или не бросить

мама ставит статуэтку на пол эту глупого вида пастушку со свиноподобной овечкой громко хлопает дверь с тех пор о Савелии ничего не слышно он как в воду канул

а каждое лето непременно поездка в Крым

в начале I века Пэрисад Пятый последний правитель Боспорского царства отчаявшись отразить нашествие скифов призвал на помощь Митридата впоследствии названного Великим

юноша в клетчатой рубашке продолжает гундосить скифы были разбиты но Пэрисад Пятый последний из рода Спартокидов потерял владения это был робкий и нерешительный царь а ловкий полководец из Трапезунта не захотел делить победу

юноша гундосит а у тебя перед глазами пурпур боевых плащей блеск медных шлемов

некогда великое Боспорское царство помимо того что вело обширную хлебную торговлю со многими греческими городами в том числе и с Афинами являлось и значительным культурным центром тогдашнего Северного Причерноморья или Гостеприимного Моря как его называли древние

на горизонте появляются корабли

отныне земля эта становится частью Понтийского государства чтобы стать потом вассалом Рима подвергнуться нашествию готов сарматов хазар печенегов половцев татар турок

вы пропустили генуэзцев

ах извините гренадер князя Потемкина англо-французских интервентов в Крымскую войну и греко-французских в Гражданскую

он выговорился

и наконец этого стада жизнерадостных рахитов в белых панамках на тонких кривых ножках с расписными палочками в ручонках карабкающихся к белым вычищенным дождем и ветром на протяжении двух с лишним тысячелетий колоннам славного города Херсонеса-Гераклеи-Корсуни который кстати никогда не был частью Боспора а являлся свободным полисом с аристократической властью

будь здоров колонны отгрохали

с ума сойти как красиво

вот бы тут золото найти

ты злобно плюешь и спускаешься вниз

мальчик мальчик ты не из нашей группы

так и не встретив заветного корабля который увез бы тебя в Пафлогонию

поезд увозит в душную Москву

мама тихонько плачет

какие соленые у тебя слезы ты не плачь я вырасту и

стану ученым и у нас с тобой будет дом в лесу и я там

буду работать а ты будешь делать все что захочешь

мы будем гулять с тобой по лесу будем купаться в

лесном озере ходить на охоту

мама громко смеется

ты стоишь перед ней шестнадцатилетний оболтус дер-

жишь за руку скромную рыжую девочку три тысячи

веснушек усыпали ее лицо

мама мы любим друг друга

это пройдет пройдет

мама смеется и плачет от счастья и говорит соседке

по этажу

он сдал все на отлично одни пятерки он у меня умница

нет нет зачем ему на вечерний мы слава Богу с голоду

не умираем

поднял голову и вытер снег

и обвел взглядом белое поле

вздохнул

Как-то Мадам знакомит тебя с Жорой Мерсисовым
алкоголиком 32-х лет поэтом-переводчиком хорошим
человеком бывшим футболистом

у Жори Мерсисова только один недостаток он заикается
например

сы сы старик хы хы хочу пы пы помочь ты ты тебе
ды ды делом

и действительно помогает тискает парочку твоих сти-
шат в «Бодрости» где имеет знакомых

пы пы поверь мы мы мне бы бы без зы зы знакомства
ны ны ничего ны ны не ны ны напечатаешь

ты охотно веришь и отправляешься с ним в редакцию
Толстого Журнала ответственный секретарь которого
Лукошкина отличная баба и большая приятельница
Жоры разошлась по идейным мотивам с мужем из-
вестным черносотенцем автором детских песенок и ба-
сенок

Лукошкина не одна

слева от нее томится поэтесса Б широко известная сво-
ими лирическими стихами бледная как полотно а спра-
ва дымится нагретый лучами славы прозаик Г автор
популярного романа «Кровь разная бывает» о молодом
человеке навлекшем на себя подозрение в убийстве на-
пряженное действие дает возможность читателям по-
знакомиться с трудной но благородной работой органов
безопасности и убедительно показывает что всякая по-
пытка обмануть следственные органы лишь усложняет
положение обвиняемого

Жора Мерсисов подталкивает тебя вперед

Лукошкина шлепает ладонью по тугой синей папке в
ней покоятся твои рукописи

ознакомилась ознакомилась мы все трое ознакомились
прозаик Г с кислой миной протягивает руку поэтесса
Б благосклонно улыбается

и вот что скажу определенный интерес ваши м-мм так

сказать рассказы несомненно представляют м-мм но
позвольте вернуться к ним несколько позже мы сейчас
говорили о м-мм героическом очень интересно и вам
послушать итак прошу продолжать

начинается продолжение разговора о героическом
героическое склоняется по всем падежам

героическое

героического

героическому

героическим

о героическом

вот какой умный и насыщенный разговор о героическом
слово берет прозаик Г

он говорит

что очень не доволен тем что само понятие героическо-
го как бы утратило былую привлекательность вот ска-
жем читают пошлые романы зарубежных писателей а
вот «Молодую гвардию» Фадеева или «Как закалялась
сталь» Островского или вот даже придумали целую се-
рию анекдотов про Чапаева вот к примеру плывет он
с одной рукой через Урал а Петька кричит ему эй
Василь Иваныч чемоданчик-то брось а то утопнешь
вот такие пироги или скажем вот про Олега Кошевого
гадость распространили что он в Германию удрал с нем-
цами потому что всех подпольщиков выдал гестапо вот
кощунство или скажем Зоя Космодемьянская пустили
слух что была она психичка и боли не чувствовала или
вот измыслили присказку ах ты черт какой нынче го-
лолёд сказал Александр Матросов падая на амбразуру
а про Котовского какая гнусность якобы его адъютант
застрелил не потому что был агентом сигуранцы а из-за
жены Котовский у него якобы жену увел про всех про
всех я думаю тут виноваты мутные волны эфира вот
но и мы виноваты тоже вовремя недоглядели и казен-
ных форм в литературе у нас опять же много

Лукошкина вздрогнула и яростно выхватила из ящика
листок бумаги

рассказик я вам прочту какой-то подонок прислал на конкурс
ну ну
монотонное чтение текста

из репродуктора несется идет война народная священная война Маня Португеева решила идти на фронт и завтра она идет на фронт Маня Португеева очень красивая девушка она читает рисует танцует занимается спортом смеется и поет она юна и прекрасна телом и душой а Мать горько плачет Мать уговаривает ее взять с собой в окопы теплые носочки из верблюжьей шерсти но Маня сильно возмущается разве Овод из романа английской писательницы Этель Войнич не поступил бы так же значит Маня правильно так возмущается обоснованно а Мать не читала роман Этель Войнич английской писательницы Мать горько плачет не плачь Мать прочти-ка лучше этот роман Мать все равно плачет ей не до романа Мать хочет остановить дочь но та уходит так и не взяв с собой теплых носочков и вот приходит страшная весть Маня Португеева ее дочь убита пала смертью храбрых как гласит официальное сообщение Мане присваивают звание Героя посмертно как это было это было так огромное пустое небо над огромным голым полем ни кустика ни ложбинки ни бугорка а впереди проклятый дот а пулемет строчит и строчит и головы не поднять и вот уже несколько бойцов дерутся между собой за честь подорвать его гранатами и тут-то появляется Маня

она была отличным боевым товарищем все бойцы ее очень любили

ползком бочком к доту поднимается в полный рост и грудью падает на амбразуру

она заботилась о раненых и читала им по памяти отрывки из романа английской писательницы Этель Войнич большой подвиг налицо и Маню кладут в цинковый гроб и отправляют на родину у Мани на могиле краси-

вый памятник скульптор запечатлел ее мужественный облик круглый год живые цветы идут строем юные пионеры горнит горн барабанит барабан желтые кисти знамени хлопают знаменосца по лицу ветерок краски наступившей осени свежесть алых галстуков торжественная минута очередная пионерская дружина в который раз принимает Маню в пионеры и навечно зачисляет ее в свой состав потом то же проделывают с Матерью слезы выступают на глазах целые коллективы детские и взрослые уже много лет подряд зачисляют Маню в свои ряды и Мать ее так же Мани нет и все же она есть ее много и она везде и в бронзе и в гипсе и в памяти людской приезжают жижковцы из Чехословакии харцеры из Польши идут к Матери она рассказывает в ту последнюю ночь Маня читала роман английской писательницы Этель Войнич

Мать больше не плачет слезы от жалости а героев жалеть нельзя ими нужно гордиться они погибают правильно и совсем не за то чтобы о них потом плакали но пионеры хотят плакать а им тоже плакать нельзя пионеры читают роман «Овод» и хотят быть похожими на Маню выходит из печати книга о Мане она называется ясно и просто «Подвиг Мани Португеевой» в конце книги приложены фотографии вот Мане три года вот Маня и Мать вот Маня-пионерка вот Маня-выпускница вот Маня в военной форме вот голое поле место где Маня совершила свой подвиг вот памятник на могиле Мани Португеевой живи учись делай свой подвиг получишь вечную славу и красивый памятник книгу написал умный человек в золотых очках к нему тоже приходят пионеры требуют

хотим чтобы вы написали продолжение
писатель умно отвечает

совершайте подвиги напишем

пионеры горестно сопят обдумывают как бы это им совершить подвиг ну хоть маленький подвиг ну хоть вот такусенький а Мать рассказывает

в ту последнюю ночь Маня читала роман «Овод»
Мать ездит в другие города к ней приезжают из других
городов Мать очень устает но в свободную минуту чи-
тает и перечитывает роман «Овод» жаль умерла ан-
глийская писательница Этель Войнич она бы непре-
менно написала про Маню и вот Мать посещает ее се-
стра тысячу лет не виделись
ну как там у нас в деревне

конечно не так как тут ведь тут в большой квартире
светлые окна и паркет и горячая вода и телефон и
просторный туалет и кухня с газовой плитой и все это
блестит и сверкает а там-то в деревне что
вот Ваня пришел с войны без ноги запил и спьяну
удавился Вася значит женился очень неудачно бросил
жену и троих детей сошелся с агрономшей Валя в кол-
хозе скотницей очень устает Вова в город подался да
там за драку три года получил Витя еще в школе учит-
ся а Вера любимая дочь беспутной стала всему свету
отказу нету и кто ее теперь только замуж возьмет
разве дурак какой

А Мать слушает сестру и все ее жалобы до единой
угощает всякими вкусными вещами они по спецзаказу
из спецмагазина глядит на большой портрет Мани он
висит на стене а под ним полки с подарками зарубеж-
ных гостей хорошо что Маня погибла совершив под-
виг невольно вырывается у Матери вечная ей память
пора однако и спать ложиться завтра опять встреча с
пионерами и не одна а целых три

воплъ негодования лицо прозаика Г полыхает нахлы-
нувшими чувствами

да это же настоящая антисо

спазма в горле

ветчина

еще бы и сыр и буженина и рахат-лукум с люля-кебаб
впридачу

тут все есть для предъявления обвинения по статье фу

ты черт забыл ее порядковый номер
страсти утихают и снова раздается хлопок по тугой
синей папке с твоими так сказать произведениями
они несомненно несут в себе долю м-мм и так далее
и тому подобное но все же в определенном смысле м-мм
в общем и целом м-мм так сказать являются продуктом
м-мм большого воображения

Лукошкина шелестит бумагой

не могу сейчас найти одним словом м-мм там у вас
что-то вроде «лица снега» или «у снега лицо» а где вы
видели чтобы у снега было лицо у снега м-мм лица нет
и быть не может

продолжает

это м-мм очевидная несуразность

сказано без выкрутасов общедоступным правильным
литературным языком великим свободным и могучим
и потом к чему это самобичевание этот Достоевский
м-мм в стихах кому все это нужно м-мм многие строки
просто наивны а многие рассказы не отличить от сти-
хов и наоборот м-мм все правильно но неверно и на-
оборот

прекрасно наивность лучше тупой умудренности
между прочим очень м-мм странно что такой прилич-
ный молодой человек и такая порнография м-мм просто
стыдно читать

ах если бы вы знали как стыдно писать

и м-мм затем я ожидала увидеть произведения о любви
и дружбе а тут все м-мм галиматья какая-то где м-мм
попытка раскрыть образ своего современника ничего
этого мы м-мм не нашли

и она указывает глазами на поэтессу Б и прозаика Г
тут все о смерти и прочая м-мм чепуха неужели нельзя
найти чего-то более интересного яркого полноценного
в нашей жизни м-мм возмущает сама форма ваших
м-мм трудов это какое-то издевательство претензия
на оригинальность выверты и вывихи а м-мм читать
такую дребедень очень трудно

ты перебиваешь невинным голосом
а вы не читайте пускайте прямо в набор
наглость сражает Лукошкину поэтесса Б сомлела в
битву кидается прозаик Г а Жора Мерсисов ехидно хихикает и двигает кресло с леденящим душу скрипом
это все было было было все было уже под луной и под солнцем и ничего нового вы не создадите только разве что опошлите старое разумное вечное
тоже благородная задача
когда наглость выплывает с методичной направленностью она превосходна
мой метод прост я все пишу подряд с маленькой буквы и без знаков препинания так сказать поток сознания э-бююэ моя мысль не терпит точек и запятых к остальным знакам я вполне снисходителен причем я пишу страшно неразборчиво и когда усаживаюсь переписывать заменяю нечитабельные слова другими просто беру их от фонаря по принципу наименьшего сопротивления когда все готово я путаю листы тасую их как колоду карт а затем остается только пронумеровать их и соединить скрепками ах да и еще придумать название желательнo чтобы оно ни в коей мере не отражало смысла повествования
прозаик Г вулканизует
молодой человек одни бьют лампочки в подъездах и это ничего это простительная шалость по сравнению с вашим хулиганством
тяжко вздыхает Лукошкина
молодой человек не вас нам учить русскому языку она потеряла разум
говорят это случилось давно
но еще находится в сознании
советую вам прекратить ваши литературные излишества пишете вы много м-мм а кто много пишет тот непременно станет писателем
м-мм бросьте дурить м-мм будьте настоящим человеком

Хорошо, я больше не буду, соглашаешься ты. Я постараюсь писать правильно, но и Жора Мерсисов тоже пусть больше не заикается.

Ны-ны-не буду больше, говорит Жора. Пы-пы-последний раз заикнулся. Но самое страшное еще впереди, предупреждаешь ты. Даю вам рифму: вы все — говно. На ответ даю пять минут.

Пять минут напряженного молчания. Зудит гладкая, как колено, голова прозаика Г. Поэтесса Б. кусает губы. Лукошкина, не мигая, глядит в потолок. Старательно обдумывают ответ.

Помогу, говоришь ты, когда время истекает. Давно. Очень хорошая рифма.

Уже давно, так будет лучше, замечает Жора Мерсисов. И ты соглашаешься с ним.

Лукошкина разевает рот, как варешка. Она напоминает рыбу, выброшенную на песок. Возникает страстное желание оглушить ее о голову прозаика Г., такую светлую и полированную.

Не делай этого, советует Жора Мерсисов. Не надо. Люби ближнего своего.

Не буду.

Вы выходите на улицу, радостно улыбаясь. Хулигань, хулигань, несется вдогонку. Отмахиваетесь от слов, как от мух. Ноги сами несут в ЦДЛ. Хорошо бы выпить по бутылочке холодного пива, остудить горячие головы.

Администратор, громадный географический глобус на тонких ножках с двумя дополнительными полушариями (это чтобы мягко сидеть), преграждает дорогу. Напрасно хлопает его Жора Мерсисов сначала по Баффиновой земле (левое плечо), а потом по полуострову Таймыр (правое плечо). Напрасно. Совершенно напрасно. Глобус не из папье-маше. Жора Мерсисов достает из нагрудного кармана веский аргумент — членский билет Союза писателей. Напрасно, напрасно и еще раз напрасно.

Все равно не пуцу, заявляет глобус.

Подумать только, как он держит равновесье! Ведь дополнительные полушария все время тянут назад.

Краткая история о том, почему Жору Мерсисова не пускают в ЦДЛ: Жора Мерсисов имел глупость зверски избить одного маститого лирика, «певца электропередач и наших голубых берез», как его именует доброжелательная критика. Дело было так. Жора Мерсисов сидел с приятелем в ресторане ЦДЛ и мирно пил коньяк. Как раз получил гонорар за Бодлера. Вдруг лирик (он рядом за столиком сидел) заявляет (неизвестно, что на него нашло) приятелю Жоры: ты не за политику сидел, я знаю, а за бандитизм. А тот восемь лет на Колыме отгрохал (за папаню своего), человек слабый, болезненный, сразу слёзы на глаза и в обморок. Тут Жора Мерсисов и говорит лирику: пошли-ка выйдем (у него на уме ничего плохого не было, просто вместе с ним выйти хотел). А лирик с гонором. Чего это я с тобой пойду?! Не хочешь, как хочешь, примирительно сказал Жора и врезал ему в челюсть (он это может). Счастливый человек лирик, что Жора ему челюсть не свернул. Так, только внешность слегка исказил. На неделю. Не больше. Вот с тех пор Жору не пускают в ЦДЛ.

Жора жутко обижен, а глобус не замечает этого и топает на него ногами: уходите, Мерсисов, а не то я в милицию позвоню.

Цыц, шмокодявка! Позови-ка мне вон того, говорит Жора и указывает пальцем на седую цаплю, вышагивающую по вестибюлю.

Нет, нет, Мерсисов, вас сюда пускать нельзя! Сначала мы разберем ваше дело во всех инстанциях и уж легко-то вы не отделаетесь, так говорит цапля, она же детский классик и руководящее лицо.

Жора Мерсисов укоряет: сволочь ты сволочь, сколько раз я тебя за свой счет поил!

Это к делу не относится. И седая цапля упрыгивает.

Уходите, пока я милицию не позвал, грозитя администратор и напирает Африкой. Но Жора Мерсисов тоже не лыком шит.

Ах вы, жидовские морды на службе антисемитов! Выкрикивает он и, сжав кулаки, колотит по дверному стеклу, желая своими скромными усилиями нанести хоть малейший материальный ущерб этому заведению.

Но ты заламываешь ему руки за спину и уволакиваешь подальше от греха. Жора Мерсисов с пеной на губах призывает на помощь Бегемота и Коровьева с их дьявольским примусом.

Ох, пульнуть бы керосинчиком во всю эту сволочь!

Что-то подобное происходит с тобой ровно месяц спустя, у других творческих людей, у киношников. И виновата во всем Марина. Только она. Кто же еще. Затащила тебя в Дом кино на просмотр жуткого фильма. «Я непременно должна его посмотреть. Бобочка приложил к нему свою руку». Ее идиот Бобочка.

В главных ролях снялись непрофессионалы. Потрясающее новаторство. Герой фильма, простой рабочий парень, влюблен в свою работу и влюблен в продавщицу универмага. А она — дура и мещанка — и хочет идти в театр с ним, со своим любимым, а он не может идти. Он подменяет заболевшего товарища и барабанит две смены подряд. Другой раз они идут в театр, но герою не нравится пьеса, а дуре очень нравится. «Ведь поют и танцуют и красивую жизнь показывают». Словом, происходит ссора. Герой уходит по темной улице. Зловеще мигают фонари. Гениальный эпизод. Продавщица сначала плачет, а после знакомится с художником, растленным типом и гнусным пижоном. Герой переживает, а продавщица веселится. У нее началась красивая жизнь. Герой работает у станка, а продавщица беременеет от пижона. Пижон обещал жениться, но передумал.

Продавщица в ужасе. Герой приходит к ней. Трогательная сцена. Слезы и поцелуи. Герой отдается работе. Продавщица нянчит ребенка. Потом все трое идут в театр смотреть пьесу Максима Горького. Замечательная пьеса. «Человек — это звучит гордо!» Конец фильма.

Вспыхивает свет. Хлопают сиденья. В кафе обмывают творческое достижение. Главный герой держится гоголем, хлопает режиссера по спине, делится планами на будущее, мол, хочу и впредь сниматься в кинематографе, лиха беда начало! Ему внимает весь съёмочный коллектив плюс приглашенные на банкет друзья, коллеги, родственники, знакомые и т. д. и т. п.

В кафе весьма уютно. Столики на четырех. На столиках свечи. Много вина, много водки. А закуска — селедочка и картофель в мундирах. Никаких тарелок. Только салфетки. Никаких вилок, ножей. Только руками. Кто придумал? Придумала тетка режиссера, выжившая из ума народная актриса.

Подходят то одни, то другие. Шаркают ножками, целуют Мариночке ручки. Пьяненькие и трезвенькие, лысенькие и лохматенькие. А вы с Мариночкой уже прилично наклюкались. Марина хочет танцевать, но ты удерживаешь: ведь упадем и не встанем. Марина дуется и идет танцевать с режиссером. Он танцует превосходно. Кривляется, как мартышка. На нем оранжевый свитер и вытертые американские джинсы. Он знает иностранный язык и бравирует этим. «Менса на ин болт парусана», кричит он на весь зал. Марина виляет бедрами. Она умеет красиво вилять. Она любит это делать.

Ты смотришь по сторонам:

беленькие двадцатилетние овечки с прелестными улыбками в брючных костюмах сидят нога на ногу,

музыканты изрядно вспотели, кажется, ударник совсем потерял разум, а саксофонист сейчас лопнет,

пристально разглядывает тебя страшила за соседним столиком, баскетболистка или просто каланча,

(— «Молодой человек, ну пойдемте танцевать...» Ах, вот чего ей надо. «Извини, подвинься, красотка, не умею».)

Режиссер с Мариной отправляются к столику гладеньких прилизанных субчиков...

И вот ты тоже среди них.

— Пардон, пардон. По-французски это значит извините.

— Ты чего, чего... — прилизанные всполошились.

— А я ничего...

— Это мой друг, — говорит Марина.

Прилизанные вскакивают, протягивают ладошки: Вова, Петя, Гарик, Эдик...

— Эдик — педик.

— Он замечательный поэт, — говорит Марина, — и постоянно ищет новые рифмы. Очень любит меня и очень любит делать всякие гадости. Его любимое изречение: самое главное — изгадить всю малину.

Тебя усаживают за столик. Тебе наливают.

— Выпьем за академика Живаго. Вы фильм смотрели?

— Нет, — икаешь ты, — не смотрел.

— Жаль, жаль, очень хороший фильм.

Прилизанные исчезают, и взамен появляются зализаные. Зализанные по очереди обнимают Марину. Она абсолютно пьяна, а ты еще больше.

Кто-то из зализаных вскакивает и, считая свое поведение достаточно оригинальным, кричит в полный голос:

— Господа! Прошу минуточку внимания!

Все смотрят на него. Только в самом дальнем углу подвыпивший интеллектурал гнусаво тянет: «С чего начина-а-а-ется ро-о-одина-а...»

— Господа! Спешу сообщить вам радостную весть! Доподлинно стало известно, что преступная банда Котовского полностью окружена и уничтожена!

«С око-о-ошек горящих вдали-и-и...»

Хохот и аплодисменты долго не смолкают. Так вот кто, оказывается, придумывает измышления о героическом.

«Со старой отцовской будё-ё-ёновки-иии...»

Зализанный делает успокаивающий жест и устало опускается на стул. Поющий интеллеktуал пытается возмутиться, но забывает и снова принимается гнуса-вить: «А может, она начина-а-ается ...начина-а-а-ает-ся...»

Подходит розовощекий кретин и делает замечание.

— А это еще что за м...?

Но зализанные удерживают тебя: это сам, сам, он Мёмичева знает.

— Что за сам? А подать-ка мне его сюда! — ты пьян и не унимаешься.

— Прошу тебя, прекрати, — требует Марина. Теперь она пьянее тебя. — Это подходил Лампондур. Он меня знает...

— А я хочу...

— Прошу вас, держите его при себе, — говорит Марина зализанным, — а я попытаюсь дойти до уборной.

— Мы проводим, — вызываются зализанные.

— Благодарю вас, я сама, — учтиво отклоняет Марина, — держите лучше его...

Розовощекий кретин ест ложечкой мороженое. Ты не выдержишь. Изловчившись, отталкиваешь зализанного, который пытается помешать тебе (падает стул, звенит разбитая рюмка), подбегаешь к розовощекому крестину.

— А-а, сладенькое любишь! А-а, Марину знаешь! А-а, с Мёмичевым дружбу водишь!

Пытаешься дать ему по морде. Он уклоняется. Тогда ты кричишь в зал:

— Даю вам... Даю вам рифму — вы все говно!

Зал охает, и тебя хватают за шкирку, волокут, тащат. Последнее, что ты видишь, это Марина, сидящая

на полу в луже, со стеклянными глазами. Она так и не дошла до уборной.

У него изо рта несет табачищем, и это невыносимо. Он дышит прямо в лицо. Жутко разит табачищем. От него разит, как из плевательницы. Разит до тошноты. Уже вторые сутки ты здесь. А он всё разит табачищем. Зеленые стены. Настоящий детский понос. Вонь, словно кошечка Савелий, твоя кошечка, описала половую тряпку. А он всё разит табачищем и говорит:

— Ты, вот, не думай, за всю жизнь я ни разу не был замешан в уголовщине, не был ни в милиции, ни в КПЗ, ни в вытрезвителе, а если и было что не так, так это только частая перемена места жительства и работы, вот только в одном Питере я за два года работал на трех предприятиях, конечно, были по-своему веские причины, однако, я отлично понимаю, что всё можно повсякому извратить, а в Питер я попал, порвавши с женой, денег почти не было, город незнакомый, никого не знаю и, естественно, поступил работать туда, где дали общежитие, а значит, и временную прописку, поступил я слесарем на завод железобетонных конструкций, работа тяжелая, вредная для здоровья, но я старался, и через полгода меня назначили бригадиром, вскоре после того срезали расценки, я запротестовал, начальник цеха предложил сделку, сам, мол, будешь получать по-старому, а до остальных тебе дела нет, короче говоря, я тут же уволился, хотя администрация меня удерживала, но дело в том, значит, что за три месяца до увольнения я потерял паспорт, конечно, я сразу же принял все меры предусмотренные законом, и примерно за неделю до увольнения меня вызывали в райисполком за оформлением штрафа, поэтому я был спокоен, рассчитывая в течение нескольких дней получить новый документ, но не тут-то было, почти три месяца пришлось мне болтаться

без работы, ночевать, где придется, за это время я обошел все инстанции от милиции до горкома партии, но всё бесполезно, наконец мне выдали временный паспорт и мне с большим трудом удалось устроиться грузчиком на товарную станцию, жили мы в купейных вагонах, по четыре рыла на купе, работал я старательно, и начальник участка вскоре назначил меня бригадиром, однако ему пришлось об этом пожалеть, так как я не давал ему покоя, требуя более справедливого распределения грузов между бригадами, улучшения бытовых условий, вскоре из бригадиров меня выгнали и перевели в другую бригаду, а тут я послал письмо в газету «Гудок» и всё такое, а когда получил постоянный паспорт, сделал несколько прогулов, подыскивая новую работу, не оставаясь же грузчиком, и хотя я уже жил в благоустроенном общежитии, ввиду бесперспективности работы, подал на увольнение, поступил я на химзавод в качестве аппаратчика, вернее, принимали нас неопределенно, мы стажировались и через месяц сдавали на разряд, в большинстве присваивали четвертый, по нему же оплачивали стажировку, мне же удалось сразу сдать на пятый, мною были довольны, но тут началась подписка на многотиражку, а мне она на какой хрен, я отказался, от страхования тоже отказался, когда же меня упрекнули в жадности за то, что я не хотел платить взносы в некое «добровольное» общество охраны предметов древности, я тут же, значит, вытащил из кармана десятку и разорвал ее на мелкие кусочки, заявив, что не плачу из принципа, так как считаю, что нечего спекулировать на прошлом, чтобы отвлечь людей от произвола, подлости и беззакония сегодня, значит, так, ушел я в другой цех, решил переквалифицироваться на электромонтера, через некоторое время сдал на четвертый разряд, работал я неплохо, внес четыре рационализаторских предложения, по разным мелочам, готовился сдать на пятый, но стоило мне не пойти на так называемый добровольный субботник, и все планы полетели, мне положен отпуск

летом, а мне его не дают, напряженность с планом, но я и не настаиваю, мне предлагают зимой, естественно, я прошу, чтоб не раньше мая, мне обещают, но приходит время, отказывают, ведь обещание это не документ, тогда я ставлю ультиматум, либо отпуск, либо сдача на разряд и оплата не ниже пятого, все мои требования отвергают, тогда я отказываюсь от работы, то есть прихожу к восьми утра в отдел кадров и слоняюсь по конторе, а на завод не иду, такая забастовка длилась три дня, после меня вызывали начальник цеха, председатель цехкома, заведующий отделом кадров и упрашивали выйти на работу с обещанием уладить со сдачей на разряд, я вышел, но через месяц работы мне предъявляют приказ об увольнении по 47-ой статье как за самый элементарный прогул, в общем, никакие обжалования не помогли, я пытался судиться с комендантом по поводу моего обвинения в пьянстве, но потом, значит, плюнул я на всё и подался в столицу нашей родины Москву, в трудовой книжке удалил старую запись и сделал «по собственному желанию», но тут у меня начались мытарства, прописки-то нет, деньги кончились, знакомых, сам понимаешь, никого, вот и залетел я, одним словом, влип за нарушения паспортного режима, статья пустяковая, дрянь, а не статья, но год-то дадут, не меньше, так что прощай свобода, мы разошлись с тобой, как в море корабли...

Он трепет и трепет языком. И трепет, и мелет, и дышит на тебя табачищем. А потом, желая тебя развеселить, затягивает вполголоса (громче нельзя, лягавый ругаться будет): «Вот сижу за решеткой и плюю в потолок, пред законом виновен, перед совестью чист... Предо мною икона и запретная зона... а на вышке всё тот же надоевший...» А ты думаешь о другом.

«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...» Чуть в стороне резко выделяется на

фоне черного и серого зеленый платок тети Моти. Тетя Мотя суетно крестится. Горбатенькая старушка (ты стоишь за ней) опускается на колени. Из глубины смотрят на тебя глаза Иисуса. Старушка кладет поклоны. «Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоея. Господи Царю Небесный...» Косишься на рыжего священника. Он высокий и широкоплечий, настоящий богатырь. Манипулирует. Сейчас покажет фокус. «Яко Ты еси один свят, Ты еси един Господь...» Среди певчих — очень миленькая девушка. И голос у нее изумительный. Случайно толкаешь женщину, стоящую рядом со слезами на глазах. «О Господи, Боже мой, помилуй нас грешных», шепчет женщина. Старушка с кошелкой протягивает тебе свечку и говорит: «К празднику». А ты не понимаешь и переспрашиваешь: «Что? что?» — и свечку берет кто-то другой. «Благословен еси, Господи, Боже отец наших, и хвально и прославлено имя Твое во веки. Аминь». Хочется глубоко вздохнуть, набрать воздуха в легкие, ну сколько можно. Чувствуешь, что больше не выдержишь в этой духоте. На тебя напирают сзади, и ты становишься на цыпочки, чтобы не навалиться на передних. «Долго еще?» — с мученической гримасой спрашиваешь у тети Моти. Знаешь, что усядешься прямо на пол, если еще хоть немного придется стоять подобным образом. Изумляешься всем этим железобетонным старухам. «'Отче наш', все вместе», — драматическим баритоном произносит рыжий священник. Регент взмахивает руками. Певчие надуваются. Вокруг подхватывают: «...да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...» Поют. Три сотни беззубых ртов. Пять сотен старух. «Устал? Погоди немного, скоро конец», — говорит тетя Мотя и снова устремляет взгляд вперед, подавшись туда всем корпусом, словно собираясь взлететь.

— А сколько это стбит?

— Не знаю... не дорого... ах, не мешай, пожалуйста...

- А когда это начнется?
- Как служба кончится...
- А где это?

— Да погоди ты... не мешай... вон, в правом приделе, где покойники...

Тут ты замечаешь четыре гроба, один из них закрыт. Потом, в короткую паузу перед отпеванием, когда богомолки начинают неторопливо расходиться, оборачиваясь у дверей и крестясь на три стороны («прости нас грешных, прости нас грешных»), ты видишь, как в храм входят две женщины, судя по одежде, иностранки. До тебя доносится негромкая французская речь: «О, какой прекрасный Саваоф, посмотри, Дани...» «Пошли, пошли, вот свечку возьми», — говорит тебе тетя Мотя. «Уже начинают?» — спрашиваешь ты. «Пойдем ближе к алтарю, я хочу посмотреть эти темные иконы», — говорят по-французски. «А что, панихида — это помогает?» — «Вот дурачок, ты же сам просил». — «Но это для мамы, сам я не верю, ну я по-своему». Следуешь за тетей Мотей. «Церковь сурово осуждает самоубийство». Брови у тети Моти лезут вверх. «Но почему, почему?» «Смотри, Дани, какой рыжий священник, он похож на шкипера», — говорят по-французски. «Это сложный вопрос. Жизнь нельзя обрывать по собственной воле. Раньше — наложивших на себя руки даже не хоронили на кладбище, только за оградой, церковь стремилась предотвратить самоубийства; большой грех беру на душу», — тараторит тетя Мотя. «А ее имя будут упоминать?» — «О Господи, Господи, странно все-таки, типичный русский парень, а ничего не знаешь, ты что — в первый раз пришел в церковь?» — «Нет, я бывал».

Широко раскрыв глаза, смотришь на мертвых, не разбираешь слов молитвы, вздрагиваешь всякий раз, как начинают припев: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим...» «А почему нет хора?» — шёпотом спрашиваешь ты. «Он поет только на литургии». «Со святыми упокой...» — пицат церковные служки

тонкими голосишками. «Сам один еси бессмертный, сотворивый и создавший человека...» Тяжело вздыхает тетя Мотя. «Марфу, Екатерину, Авдотью, Тамару, Александра...» Дрожат колени. «Надгробное рыдание творяще песнь: аллилуия, а-аллилуия, а-а-аллил-у-уия...»

Священник сыпет песок на белое покрывало. «Будете открывать после?» — спрашивает он. «Будем, будем», — отвечают ему. «Возьмете землю с собой, вам завернут, и сделаете крест, как я, одну щепоть — крест, вторую — крест, и так три раза», — объясняет священник. «Спасибо, батюшка, спасибо, вот девочку благословите...» «Какой величественный обряд», — говорят по-французски. Девочка застыла, испугалась рыжего дядю. «Под трамвай попала, всю на кусочки, потому и не открывали, изуродована. Господи Боже мой, все мы смертны, все».

Не замечаешь, как оказываешься на улице. Тетя Мотя держит тебя за рукав. «Шапку-то надень», — говорит она. Порыв ветра остужает горящее лицо. Лезешь в карман пальто и спрашиваешь: «Сколько это стоило?» — «Ах, оставь, пожалуйста», — говорит тетя Мотя и отводит твою руку. Наклонившись к твоему уху, шепчет: «У меня такое ощущение, что молитва наша принята, слава Тебе, Господи...» Заглядывает в твои глаза, надеясь узреть в них искорку веры. Ты пожимаешь плечами. «В два часа нам нужно быть на промышленной выставке», — говорят по-французски где-то сзади.

Ты им жопу целовать должен, это я так считаю,
говорит твой отец,

и прокурору, и милиции, и этим из администрации, ведь простили, поняли все-таки, что имеют дело с хорошим парнем, а ты — болван, да уж в другой раз штрафом не отделаешься, прокурор, чёрт его дерит, молодец, я бы на его месте не стал вступаться за такого...

он налил рюмку, выпил, закусил маринованным огурчиком,
за такого подлеца...
помахал вилкой, словно дирижерской палочкой,
мы росли по-другому...
хряк-хряк челюстями,
по-другому мы росли, работать начинали в двенадцать лет, да что там в двенадцать, Сосалкина знаешь...
делает выпад вилкой,
знаешь Сосалкина, так он каждое утро в шесть утра вставал и по Сухаревке с ведром бегал, воды, кому воды, стакан — копейка, а то как же, у него и кличка была стакан-копейка...
отец усмешается,
да что там говорить, и старшим помогали, и за младшими ухаживали, стойко переносили и холод, и голод, и зной, и мороз, в одних лаптях, в кармане не было ни гроша, пришел я в Москву учиться, кончил институт за три года, за три года...
морщит лоб, выкатывает глаза,
понимаешь, за три года, и еще работал, а ты вот пятый год ваньку валяешь, стипендию получаешь и я тебе шестьдесят-семьдесят рубчиков в месяц подкидываю, подкидываю, так ведь, а, у тебя квартира есть, другие мечтают о такой, причем солидные люди, работники настоящие, только учись, дерзай, грызи гранит науки, как говорится...
он выпивает еще одну рюмку,
я и в Казахстане работал, и в Западной Сибири, и в партию вступил, и прошел войну, и был военным прокурором, и такое разное перевидал, а такого оболтуса не встречал, культуризмом мы не занимались, наши мышцы крепили от ударного физического труда, тяни-толкай, кудрявая, как в песне поется, иной раз ног не чувствовали от усталости, голова не варила, а надо было, так, значит, надо, вставали и шли, и без выходных, не так как сейчас, мол, что я буду от этого иметь, любо-дорого

смотреть было на жизнь, у нас не было магнитофонов и мы не распивали шампанское по ресторанам, не возились с девицами, не влюблялись в актерок...

он ехидно глядит на тебя,

в двадцать один год я впервые выпил стакан водки, в двадцать семь впервые познал женщину, второй костюм я приобрел в тридцать два года и, чтобы сшить его, копил деньги девять месяцев, он у меня до сих пор сохранился, знаешь, этот синий, а ты мой сын...

голос крепнет и мужает,

моя надежда, моя гордость, налей, да наливай полней, не стесняйся, лучше один раз перепить, чем сто раз недопить, я хочу выпить за то, чтобы ты вырос настоящим человеком, чтобы впереди у тебя был свет, жаль только, что с матерью так нескладно вышло, я её только в одном виню, да и как не винить, вот в чем я ее виню, да как ты смела так поступать, раз у тебя сын есть, раз ты его душе наносишь материальную травму, а могилу мы устроим, всё как надо устроим, и памятник, и ограду, и цветы...

выпивает,

за свое счастье нужно драться вот этими вот...

он сует их тебе под нос,

руками, нужно помнить что в жизни ничего даром не дается, а вы готовы забыть обо всем, не привыкли серьезно смотреть на вещи, не читаете газет и вам ровным счетом наплевать на то, чем живет страна, правильно я говорю, модная одежда, эти ковбойские штаны, музыка, дьявол ее разберет, так шум один, всё, что называют, и правильно называют, разлагающим влиянием Запада, делает вас круглыми дураками вроде тех, которых пропечатывают в «Крокодиле», пришли на всё готовое, а теперь это им подай, то подай и не хотят помнить, что за ваше сегодняшнее счастье люди моего поколения и старших поколений отдавали свою жизнь и в Гражданскую, и под Сталинградом, увлекаетесь стишками, но забываете, что сначала нужно уметь заработать себе на

кусок хлеба, иметь профессию, специальность, положение, диплом, определенное место в обществе, авторитет, нужно твердо стать на ноги и только потом можно позволять себе всякие архитектурные излишества, всякие там стихи, встречают по одежке, провожают по уму... он опрокидывает еще одну рюмку,

нужно сделать правильные выводы, вот Есенин был гений и всё равно плохо кончил, если бы не его причуды, он бы еще ох-хо-хо сколько понаписал, никчёмные и бездельники, дураки и недоучки живут за счет обеспеченных родителей и мутят воду, эти подонки вечно всем недовольны и сбивают других с панталыку, а вам так нельзя, и вы погибнете, если не возьмётесь за ум, а что вы можете, вы ничего не можете и ваши все интересы и ваши все так называемые проблемы гроша ломаного не стоят, ты бы хотя радио слушал, а то слушаешь да всё не то, Би-Би-Си, конечно, старается говорить объективно, но глушат его правильно, они там нет-нет, а гадость какую-нибудь вставят, я знаю, что не вся молодежь такая, есть и вполне разумные ребята, сегодня утром по телевизору как раз была передача о конструкторском бюро, ну там ребят показывали что надо, воды дай, да давай быстрее...

он жадно пьет, подавляя икоту,

кран, кран получше заверни, сейчас жить-то намного интереснее, позавидуешь молодым, пожалуйста, стучись в любую дверь, ездь себе туда-сюда, хочешь — едь на север, хочешь — на юг, парень у нас на работе, активист, общественник такой, прошлым летом в Болгарии был, этим — в Польшу собирается, интересно, а я бы вот в Германию поехал, в Берлин, подпись свою на рейхстаге посмотреть, цела ли, так, наверное, не пустят, он, болтают, в западной секции расположен, вообще диву даюсь, как жить-то интересно, кино, театр, спорт, все, что душе угодно, молодежь едет на стройки коммунизма, веселые, энтузиасты, песни поют, есть, конечно, среди них и те, что за длинным рублем, но

таких немного, я тебе об авангарде толкую, а у вас это все вот накурено, противно смотреть, морды кислые, выбирайся из этого болота, иди в другое...

он закашлялся,

место, я как отец тебе говорю, в мире происходят события, летают в космос, а американцы, гляди, чего делают, вот уже сколько лет Вьетнам бомбят, сначала Корея, потом Куба, Конго, теперь вот Вьетнам, и скрывать не надо, конечно, у них там жизненный уровень высок, но какой ценой, ценой эксплуатации негров и пуэрториканцев, колониальные и неоколониальные дела империализма, как говорится, эскалация мировой напряженности. потом не воевали они на своей территории, не бомбили их, вот Швеция, она уже 150 лет не воевала, а все же что из того следует, падение детской рождаемости и кругом разврат, они там прямо в автомобилях на улице, остров у них там есть, место для отдыха, так ходят там только в голом виде, появишься ну хоть в трусах, так тебя же и в полицию отведут, вот какие порядки, вот мне приятель рассказывал, там на Западе, можешь выйти в сад без порток и делай что хочешь, хоть нужду справляй и никто слова не скажет, а все почему; а потому что мой дом — моя крепость, звериный закон буржуазного общества, друг друга убить готовы, человек — человеку лупус эст, это значит волк, международная обстановка сейчас сложная, сионисты развязывают войну на Ближнем Востоке, в Италии неофашисты активизировались, китайцы, понимаешь ли, воду мутят, совсем с ума сошли, вот в Чехословакии как хотели повернуть, если бы не мы, так на следующий день туда бы немцы вошли, у них уже сорок дивизий на границе стояло под видом маневров, войска стран НАТО, а в Африке на днях был переворот, опять ЦРУ замешано, уровень жизни еще не все, надо чтобы вот здесь...

он стучит по лбу,

было, и вот здесь...

улыбаясь, похлопывает себя по груди,
лет через десять и у нас будет полный порядок, ничто
сразу не дается, и Москва не в один день строилась...
встает и, пошатываясь, подходит к карте,
мы эту Германскую демократическую... тьфу ты, фе-
деративную республику одним махом, в пух и прах,
мы все можем, у нас ракет больше, чем у янков, мы
теперь тоже авианосцы строим...

он здóрово оживляется,

вот, вот, гляди вот, одна шестая часть, вот, гляди, вот
Тюмень, вот нефть, богатство, крупнейшие мировые
запасы, а Япония тут ерунда какая-то, ошметки, что-то
вроде Курил, но...

он поднимает палец,

приемники они хорошо делают, это не отнимешь, а вот
синтетика у них хуже, но вообще-то они трудолюбивый
народ, самураи...

он снова садится,

ну, поеду я, а ты запомни, нужно браться за ум, а Пас-
тернак твой дерьмо, одна пошлятина, ну дал ты мне
читать, ну что там, плащ был на нас, теперь он под
нами, фу ты черт, сплошная пошлятина, так ты запом-
ни, Есенин, ну давай, поцелуемся... Есенин, он был...
запомни, главное в жизни это экономика... а также во-
просы социальные и политические...

Жуткие, страшные сны. Такие сны, что лучше бы
их не было вовсе. Марина удивлена тому, что ты всегда
спишь при свете.

— Я бы не смогла так, ведь выспаться можно толь-
ко в темноте.

— А вдруг я проснусь среди ночи и испугаюсь.

— Чего?

— Ну, их. Открою глаза, а они лезут из стен, про-
тивные, как черви.

— Ах, ты, мой маленький дурачок!..

— Будь со мной всегда, и я не буду ничего бояться.

— Шантажист! Я и так часто бываю с тобой. Раз в неделю это уж обязательно. И с тебя этого достаточно.

— Нет, мало. Я хочу каждый миг быть с тобой, чтобы прижаться к тебе и спать, а потом проснуться и, не открывая глаза, дотронуться рукой... А правда, что для того, чтобы получить хорошую роль, нужно переспать с режиссером?

— Не обязательно, но желательно, мой глупый мальчик, мой дурачок.

— Лапка моя, мне жутко, мне страшно, не оставляй меня...

— Нет, нет... Никогда... Ни за что...

Она прижимает твою голову к груди, гладит твои волосы, напевает какую-то старую колыбельную песню.

— Баю-баюшки-баю...

Ты засыпаешь,
легко, сразу,
жуткие, страшные сны,
женское тепло,
маленький желтенький цыпленочек под крылышком
своей курочки,
мама выходит из мрака вся в белом и голубом,
у мамы пустые глаза,
все в белом и голубом,
лежа на дне глубокой ямы,
липкая грязь течет за ворот,
ждешь, когда они начнут заваливать,
зазубренные жала лопат,
их рукоятки безукоризненно отполированы ладонями,
мерзлые комья ужасной рыжей земли,
крик не может вырваться из сведенного судорогой рта,
голоса нет,
ты весь в поту, проснись,

приснилось очень страшное,
не засыпай снова, проснись, этот сон уйдет,
но он начинается снова,
этот сон,
мама,
я тебя не боюсь,
где ты сейчас и как тебе там,
мама не отвечает,
мама все в белом, как смерть, в белом, смерть на кар-
тинке, в белом,
с косою в руках,
помогите голодающим Поволжья,
в белом, белом и голубом,
яма,
а гроб опускают прямо на тебя,
доски перед глазами,
десять миллионов заноз,
глубокие оспинки от гвоздей,
осторожно,
не кантовать,
сейчас раздавят,
но я живой, живой, о что же они делают, мама, какое
они имеют право, мама, я не хочу, мама, почему они не
спрашивают, почему это происходит, кто меня приго-
ворил,
мама, мама, мама, помоги мне, не оставь меня, дай мне
свою руку, вытащи меня из этой глубокой ямы,
мохнатое существо колотится там за досками,
ближе, ближе, ближе,
но тут зеленое,
а потом желтое и оранжевое,
и фиолетовое,
и снова желтое,
сейчас они опустят и раздавят,
мама,
я живой,
я живой, живой,

я живой, живой, живой,
слышите...

Наконец вырывается крик. Вскაკиваешь. Весь мокрый. Крик не смолкает. Крик становится визгом.

Выбегаешь на балкон. Пещерный житель выбрался на поверхность Дышишь. Визг доносится с нижнего балкона. Кудлатая супруга, настоящая лахудра, лупит своего законного и визжит при этом, как сука.

— С добрым утром, — говорит Марина, открывая глаза. Она сладко зевает и потягивается. У нее очень красивые плечи.

Приносились клятвы, мысленно и устно, стереть его с лица земли, растворить в колбе, уничтожить как класс, переработать на мыло, убить как бешеного пса.

Самый лучший вариант. Выстрел в ухо. Дымится дуло револьвера. На мостовой — лужа крови. Ее лжут другие псы. Я не виноват. Я убил бешеного пса.

Приливы крови, — клокочет ненависть, пульсируют виски, колотится сердце. Приливы крови, — туман в глазах, слепая ярость, сжимаются кулаки. Поджарить на медленном огне. И без масла. Без масла. Жестоко, конечно, бесчеловечно, но только это может утолить жажду мести.

А он является, весь вымокший под проливным летним дождем, печальный и тихий. У него с собой бутылка водки. Он бормочет, не глядя тебе в глаза:

— Мне, видимо, не следовало...

Робко протягивает руку.

...приходить, но...

Рука у него влажная.

...я давно хотел и...

И липкая.

...все никак не мог решиться, я знаю, мне оправдания нет, тут и разговаривать не о чем, я даже боюсь...

Он смотрит тебе в глаза.

...посмотреть тебе в глаза...

Помогаешь снять плащ. Приносишь тапочки. Ставишь бутылку водки на стол.

...вот, водку принес, чтобы помянуть...

Ставишь на стол три тарелки, две рюмки. Кладешь две вилки. Вынимаешь из холодильника мясные консервы, лимон, сыр. Достоешь хлеб из полиэтиленового пакета.

...ведь сегодня ровно шесть месяцев...

Капает вода из крана.

...попытаюсь что-нибудь сделать...

Требуется шведский ключ. Возится. Требуется плоскогубцы. Просит подержать вот тут.

...нет, не тут, а вот тут...

Скрежещет.

...сейчас будет готово, ну вот, готово, попробуй, нет, все равно течет, немного, это нестрашно, нужно больше накрутить, нет ли масляной краски...

Нет. Масляной краски нет.

...значит придется отложить до следующего раза, если вызвать слесаря, он это сделает в два счета, раз и два, и уже готово, как говорится, дело мастера...

Можно приготовить глазунью. В холодильнике — шесть яиц. Но он отказывается от глазуньи. В память усопшей. Фу ты, хорошо пошла. Алкоголь ударяет в голову. Говорить не о чем. Поставил чайник. Выпили еще раз. Закусили. Он тоже молчит. Предлагаешь сигарету. Он закуривает.

— Давно хотел придти, но боялся. Я был тогда, во время похорон, вернее, на похоронах. Я стоял в стороне. Ты меня не видел. Потом, когда все ушли, подошел.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Все по-старому. Перевожу одну английскую книгу. Неинтересно, но денежно.

Эти руки обнимали маму. Эти губы целовали маму. Это лицо целовала мама. Симпатичный. Тридцать семь лет. Седина едва тронула виски. Очень красиво. Простовосторг. Должно быть, пользуется успехом у женщин.

— Я еще налью...

Эти губы целовали маму. Шептали слова...

— Очень хорошо, что пришел, ты единственный, кто вспомнил...

...или не шептали.

— Допьем до конца, чтобы ничего не осталось... или я пойду... я тебе, наверно, мешаю...

— Напротив, напротив!..

Глядит в потолок. Глядит в окно.

— Какой замечательный вечер!..

Мокрый асфальт. Мокрые листья. Совершенно пустая улица. Тягостное молчание.

— А тогда, два года назад, помнишь?..

«Не ругай его, он вполне самостоятельный человек, я думаю, все обойдется». Она отвечает, сокрушенно качая головой: «Ну почему, почему он всегда попадает в какие-то нелепые, чудовищные истории». И обращаясь к тебе: «Ну почему? почему? почему? скажи мне, выпутывайся теперь сам!». И окончательно расвирепев: «Вот что, мой милый друг, женись на ней, слышишь, женись!..» — «Успокойся, успокойся...» — «Нет, женись на этой девке, на этой проститутке...»

А получилось так. Вышли с Чёрным из ресторана (отмечали день рождения Чёрного). Чёрный — старый друг, и в школе, и в техникуме учились вместе. И были раньше неразлучны, не то что теперь. Чёрный — модный парень. Его отец во Внешторге работает, а мать в ИМО немецкий преподает. И дома у них полно разных отличных штучек: два транзистора с 13 метров, магнитофон «Грундик» (папаща Чёрного хвалится: «Я вместо

него мог бы привезти целый гардероб»; а мамаша Чёрного говорит: «Вот и лучше было бы, а то совсем голова раскалывается, весь дом радиофицирован, можно подумать — у нас магнитофона не было»; и кивает на магнитолау «Вайва», жуткое барахло), взбивалка для коктейлей (очень вкусные у них коктейли: молоко, мороженое и сироп), два холодильника с японской выставки (в одном — жратва, в другом — коллекция спиртного: Джонни Уокер, Камю, Куин Энн, Мартини). «Я больше всего люблю наш армянский», — говорит папаша Чёрного. «Хотите анекдот? — Мамаша Чёрного настоящая ходячая энциклопедия анекдотов. — На выставке в Париже армянский коньяк три звездочки получил золотую медаль, а пять звездочек — ничего не получил. Почему? Сами удивляемся, из одной бочки наливали». (Мамаша Чёрного, образованная женщина, тонкий знаток Бальзака, очень обижается, если ее бородастые анекдоты не вызывают приступов здорового смеха. Приходится, хочешь-не хочешь, растягивать губы, скалить зубы, делать стандартную американскую улыбку № 1. Но это — палка о двух концах. Мамаша Чёрного довольно ухмыляется и сыпет анекдоты, словно пшено курам), бесчисленное множество безделушек, игрушек, побрякушек (и все это расставлено по полочкам, разложено на пианино, на буфете, подвешено к потолку, приделано к стенам...).

— Я, пожалуй, пойду...

— Рано собрался, еще не всю водку выпили...

— Тогда наливай помаленьку, чтобы больше одуреть...

— Готово...

— Ты пойми меня...

— Я понимаю...

— Если бы можно было знать на будущее, разве...

— Я понимаю...

Схватился за голову. Чуть не выдрал себе клок волос. Даже целых два клона. Эти волосы гладила мама. Он по утрам причёсывался в прихожей, у зеркала.

...Вышли мы с Чёрным из ресторана, оба веселые и пьяненькие. Съели немного, а выпили порядочно...

Он причёсывался и улыбался.

...и тут как раз эти девицы, брюнетка и блондинка. Сначала мне приглянулась брюнетка. Чёрный бросился на них, как ястреб, и сразу как-то договорился...

Он причёсывается у зеркала и смеется, а мама в ужасе.

...обо всем. Поймали такси. Чёрный сел вперед, а я — с девицами. Тут я разглядел блондинку, и она мне больше понравилась. У дома я шепнул Чёрному: мол, которую выбираешь? Он: а мне все равно. Дернул же меня черт выбрать блондинку!..

Мама уже не в ужасе. Она тоже смеется.

...Родители Чёрного на курорте, вся хата в нашем распоряжении. Выпили, покурили, потанцевали и спать легли. Я в одной комнате, а Чёрный в другой. Третью мать Чёрного запирает. У нее там барахло навалено...

Мама возмущена. Она считает, что девиц следовало бы проводить домой.

...Утром просыпаюсь, — голова разламывается. Блондиночка, оказывается, страшна, как третья мировая война. Вся в пупырышках и ноги колесом...

Он смеется, а ты ему на ухо:

...а одеяние свое достает из-под кровати, зачем она его туда запихнула, — непонятно...

Мама не расслышала, переспрашивает.

— Устроили, значит, небольшой сесибончик, — говорит он.

Мама снова переспрашивает.

...интересуюсь у блондиночки, чем она занимается. Ма-лер. А что это такое? Ну, думаю, художник. Оказывается, в ПТУ на маляра учится. Я и опупел. Сколько же

тебе лет? Шестнадцать. Причем самым невинным голосом...

Мама то в ужасе, то смеется...

— Помнишь ту историю с блондиночкой? Она тогда совершенно нормально прореагировала.

— Еще бы, совершенно нормально.

Первым делом успокоила нагрывавших родителей блондиночки-малера. «Ваш сын соблазнил нашу деточку, ох-ох...» А на ней пробы негде ставить. «Ее теперь замуж никто не возьмет...» Да кому она вообще нужна. «Пусть ваш сын теперь женится...» Ну, конечно, женится, непременно женится, он ее очень любит и только мечтает об этом, а теперь, раз вы тоже согласны, ну конечно же, женится. «Мы согласны, согласны...» Так. Очень хорошо. Просто изумительно. Только придется чуточку обождать. Это все так неожиданно. «Мы обождем, обождем...»

Следуют трогательнейшие поездки к «невестушке». «Ну, зятек, давай-ка за успех предприятия!» Маленькие колченогие рюмашки со сладеньким приторным винцом. Жуткая гадость. Папаня «невестушки»: «Не стесняйся, называй меня просто дядя Федя...» Супруга дяди Феди — будущая теща. Полтора слона. Бумбум-бум своими бревнами. Их старшая дочь, здоровая, как кобыла, красномордая дура. «Ноги вытирай, что целый день должна тут за вами мыть...» А «невеста» прямо как невеста. Только без фаты.

Ох, как они взбесились, когда получили привет. Нежный такой привет ручкой. Ручкой вверх, ручкой вниз. Так-то, папаня. «А мы заявим, заявим...» Заявляйте, заявляйте. Знакомый юрист сказал, что если в течение двух недель не заявлено об изнасиловании, значит, никакого изнасилования не было. А ты вот уже два месяца ведешь дипломатию с «невестушкой». А теперь — привет. Привет ручкой, папаня. Все сроки вышли.

— Я пойду, — говорит он и начинает собираться. Садится на табуретку и долго завязывает шнурки.

— Ну-ну...

— Если бы ты только знал, как мне тяжело. Вот выпил, а на душе все равно камень...

— Я знаю, знаю...

— Если бы все вернуть, но не тут-то было...

— Я знаю...

— Нет, не знаешь...

— Знаю...

— Если бы Новый год мы встречали вместе... а я ее обманул... сказал, что приду, а сам...

— Я знаю...

— Но кто бы мог подумать, что из-за этого... если бы я знал... о как мне ее не хватает...

— Я знаю...

— Она ушла и ничего не оставила... после себя...

— Оставила записку, в которой... в которой все объясняет... ты ее последняя опора в жизни... последняя надежда... ты обманул...

— Я не хотел...

— А ты обманул... собрался жениться на дочке Козлодуба... какого-то героя... женился на ней?..

— Боже мой, как все глупо!... Нет, не женился...

— Я уничтожил эту записку...

— Уничтожил...

— Она не позволяла мне жить...

— Знаешь, как мне тяжело...

— Знаю...

— Прости меня, если можешь... я виноват... но я не хотел... это какое-то страшное стечение обстоятельств... рок...

— Я простил тебя... причем тут я... я ничего не понимаю...

— Ну, я пойду...

— Она написала, что винить тебя нельзя... ты намного моложе... ты должен... а у нее все по-другому...

Слышно, как он медленно спускается по лестнице.
Равномерно раздаются шаги. Тупо и тяжело.

На улице снова льет дождь.

Старик,
вы пришли к нему с Жорой Мерсисовым,
трясущиеся руки, большая голова, прямо кочан капу-
сты, круглая,
чтобы он рассказал вам о Блоке, он был знаком с
Блоком,
чёрный сюртук с заплатами на локтях, брюки с запла-
тами на коленях, котелок 19 века на вешалке,
интересно, что он расскажет, он должен знать много
интересного,
Жора Мерсисов горд тем, что отыскал этого старика,
старик носит забавную фамилию Карцер, бывший ак-
тер Малого театра,
я прослужил там сорок два года,
уверяет старик,
он указывает на лацкан сюртука, на орден трудового
красного знамени,
этим правительство отметило мою сценическую дея-
тельность,
ворох старых фотографий, документов, писем,
это мы в Берлине, императора Вильгельма, знаете, ко-
нечно, кто это,
это германский император, Берлин — столица Пруссии
и всей империи, императора Вильгельма я видел, ну
так,
сниходительная улыбка, неторопливый жест,
как вас, как вас,
о это должно быть очень интересно,
весьма, весьма,
в Берлине, знаете ли, конка лучше нашей и фонари у
них ярче,

вырезки из газет, открытки, бумажки, квитанции, счета, мужчины с кретинскими усиками и идиотскими ухмылками, с тросточками, в канотье, ловеласы, альфонсы, придурки,

женщины с томными очами, типичные психопатки, неврастенички, великие актеры своей эпохи, театр, театр, батенька, это храм,

Станиславский глядит с портрета, сложил губки бантиком, впечатляет,

Бог мой, чего я только не повидал, в семнадцатом стреляли прямо с крыш, прямо с крыш — бах-бах,бах, стекла сыпались, Элеонора Федоровна, моя матушка, чуть со страху не умерла, о, было всякое, Прага, Будапешт, Вена, вы любите Штрауса, пам-пам-пам-пам-пам-па-па, вскакивает и кружится по комнате, пузатый и корявый, все три кошки с ужасом наблюдают за ним, наконец одна, серая, облезлая, не выдерживает, прыгает на кровать, а с кровати на шкаф,

а это мой любимец Саня,

рыжий кот, почувствовав ласку, принимается мурлыкать подобострастно и противно,

я его в честь себя назвал, собак терпеть не могу, ненавижу, итак, на чем же мы остановились, ах да, император Вильгельм, он представительный человек, но повел себя нехорошо, вы, понятно, читали об этом в газетах, Босния и Герцеговина, Рур, Польский коридор, ах-ах, видимо, будет война, грибы, грибы, а это к войне, жаль, подевалось куда-то письмо моей покойной матушки, она была восхитительна, умница необычайная, это письмо раскрыло бы вам глаза на многое, взгляд скользит по золотым переплетам Брокгауза и Ефрона,

а это моя жена,

худая женщина с кофейником в руках,

прошу любить и жаловать,

мы уже знакомы,

мой муж знает массу интересных вещей, к нам прихо-

дит столько посетителей, из журнала недавно были,
потом какие-то следопыты, следопыты,
мечтательно произносит старик Карцер,
в студенческие годы у нас были крайне левые убеж-
дения, мы всегда помнили лозунг большевиков: «в борь-
бе обретишь ты право свое!»

эсеров,
нет, большевиков, уж позвольте мне знать, все это ста-
ло достоянием истории, помните, как это у Шекспира,
сейчас... ах, да, забыл, забыл, вот, значит, стареем, ста-
реем, жаль, что я не понял этого раньше,
замолкает, сосредоточенно размешивает сахар,
космонавты,
бормочет под нос,
какая четкая дикция,
еще бы, старая школа,
сердце пронзила любовь, ах, любовь, любовь,
напевает себе под нос,
и все же нам хотелось бы поговорить о Блоке,
Саша, Саша, молодые люди,
ах, оставь, я все знаю, о Блоке, вот, пожалуйста, вам
о Блоке, Блок писал замечательные стихи, он был очень
талантливым поэтом, его любила Анечка, моя кузина,
и чуть было не покончила с собой, ее вовремя спасли,
знаете ли в блокаду им было не до этого, что за ерунда,
все так нелепо оборвалось, я скорблю всей душой, про-
шу мне верить,
Саша, молодые люди,
я знаю, помню ее совершенно отчетливо,
о Блоке,
он был талантлив, Есенин тоже был талантлив, Мая-
ковского я не любил, все у него тыр-пыр-мыр,
спасибо,
не стоит благодарности, читали последнюю речь Ста-
лина,
простите, не понимаем,
это про ударные бригады, 19-ый партсъезд,

какие там ударные бригады,
по радио передавали совсем недавно,
вы что-то путаете, вот уже шестнадцать лет, как Ста-
лин умер,
умер, как умер, не может этого быть, а Хрущев где,
его сняли, он на пенсии,
а как Сталин на это реагировал,
все понятно,
т-сс, тихо, слушайте,
старик Карцер прикладывает палец к губам,
где-то тарактит компрессор,
слышите, они летят, летят, скоро опять начнется,
он провожает вас до дверей,
заходите, молодые люди, всегда вам рад, а они пусть
летят, вы их не бойтесь,
жаль, что вам не повезло,
говорит жена Карцера,
он не всегда не в себе, он очень интересный человек,
к нам приходили из журнала, и пионеры тоже, он обо-
жает кошек, он хорошо владеет рапирой, ходит в ку-
линарию за творожничками, я выкинула его рапиры,
он бы убил наших кошек, на него это находит, но он
добрый,
да, да, непременно зайдём,
заходите,
зайдём, зайдём,
кстати, каких вы придерживаетесь убеждений,
левых, левых, самых левых, у нас детская болезнь,
крайне левых,
прекрасно, значит, единомышленники,
он искренне пожимает вам руки,
в борьбе обретишь ты право свое...

И еще один старик. Уже без Жоры Мерсисова.

Был жаркий день, и старик сначала вытер лоб
большим клетчатым платком: — «Жарко, жарко», —

вздыхнул, убрал платок и лишь после сел за столик. Окинул зал, поправил салфетки и снова полез за платком... Нет, за очками.

— Есть люля, сосиски, блинчики с вареньем...

— С клубничным?

— И с клубничным и с вишневым.

— Нет, с вишневым не так вкусно, вот с клубничным, именно с клубничным, две порции, пожалуйста, ах да, и стакан молока!

— А молока у нас нет, гражданин...

Старик как-то растерялся, съежился, захлопал глазками.

— Ах жалость, право, какая жалость...

— Не бывает у нас молока, гражданин. Могу принести пиво... Или минеральную...

А у тебя в портфеле покоился пакет молока. Ты вынул его и протянул старику.

— Нет, нет, право, как-то неудобно. Неловко как-то. Вам придется идти в магазин... К чему вам... Беспокойство из-за меня... Право, не знаю...

Но ты настаивал.

— Спасибо, спасибо, молодой человек! Я расквитаюсь! Лимонадом! Барышня! Барышня! Бутылку лимонада для молодого человека! За мой счет...

Старик тщательно прожевывая блинчики, облизывая губы, пил молоко маленькими глоточками, словно оно было горячим и он боялся обжечься.

— У меня зубов совсем нет... вот и жую, жую...

Ты часто встречал его в этом кафе с идиотским названием «Юбилейное», где такое скудное меню и такая отвратительная кухня, и где вместо кофе подают помои, а вместо мяса — резиновую подметку, но где так тихо и спокойно, где можно забиться в угол, жевать какую-нибудь гадость и отдыхать.

— А блинчики с клубничным вареньем?

— С клубничным.

И всякий раз старик оживлялся, сверкали стекла

очков, потирая руки и улыбаясь, он открывал принесенное с собой молоко.

Забавный старик. Очень забавный.

Он отодвигал пустую тарелку и принимался за новую. Очень забавный старик.

Он допивал молоко, расплачивался и уходил. Иногда заказывал еще одну порцию. Третью. А иногда еще одну. Четвертую.

— И варенья побольше, побольше варенья... я уплачу...

Забавный старик.

— А вы разве не знаете?

Ниночка, рыженькая официанточка, тростиночка, прелесть, зеленые глазки, стоит перед тобой.

— Я думала, вы знаете. Он умер прямо тут, за столиком. Разрыв сердца. Какой-то идиот подумал, что он пьяный, начал тормозить. А он мертвый. Я так испугалась. Я даже заплакала, уж очень жаль старичка. Такой забавный был старичок. Такой любезный был старичок. Такой опрятный был старичок. Что будете заказывать? Есть люля, сосиски, блинчики...

— Блинчики с клубничным вареньем. Одну порцию. Бутылку лимонада.

Своеобразные поминки. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Неизвестного Старика. И сотвори ему, Господи, вечную память. Вечная память... Вечная память... Ве-е-е-ечная па-а-а-амять... И ты мысленно перекрестился. Поставил в душе свечечку.

Лохматый парень опустил пятак в музыкальный автомат. И вот — веселая мелодия. Правда, чуточку грустная...

Мощная фигура. Косая сажень в плечах, как говорили в старину. Гангстер из Чикаго. Боксер. Штангист. Это Сасша (так вы коверкаете его имя) по фамилии

Биплан. Он гордится своей фамилией. Он уверен, что у него очень редкая фамилия. Он командор, бригадир, главковерх, фюрер, дуче, вождь над вами. А вас, плюс ты и плюс он, шесть рыл ровным счетом, отличных ребят, по крайней мере с виду. Каждый с огромным рюкзаком, словно у них там награбленное. А у тебя рюкзак маленький, можно, сказать, крошечный. Так, рюкзачишко, в котором две рубашки, обе теплые, три пары носков, запасные штаны, трусы, майка, очень толстый свитер, — синтетика, японское производство, — зубная щетка, два тюбика пасты «Поморин» (уничтожает дурной запах изо рта, укрепляет зубы, предохраняет их от разрушения и образования зубного камня, придавая им белизну, утверждена как профилактическая, предупреждающая гингивиты, анфодонтоз, покраснение, опухание, боли, кровотечение и нагноение десен, расшатывание и оголение зубов, одним словом, шикарная зубная паста, почти лучшая в мире), кусок мыла и несколько номеров журнала «Иностранная литература» за 1964 год.

Сдружился с Пертовым. Пертов — симпатичный, белобрысый парень, 23-х лет, — не служил, не был, не имел, не смотрел, не видел, не слышал, молчал, холост (отличная характеристика!), в меру болтлив, но все же на гран больше, чем прочие.

— Знаешь, старик, а пожалуй, деревня совершенно не изменилась, — говорит твой милый друг Пертов, — за последние сто лет...

Как же так! Прогресс явно налицо. Крыши утыканы телевизионными антеннами. Да и сами крыши — это уже не солома или дранка, а жечь или шифер. Линии электропередач, растопырив железные ноги, встали в полный рост. На проводах сидят вороны. Лампочка Ильича в каждом доме. В каждом доме радуются новым трудовым победам. Ключом бьет жизнь. О ее биении население информирует радио. Тракторы ползают по полям, автомобили снуют по дорогам. Пыль столбом,

хоть противогаз надевай. Дрова пилят не вручную, а пилой «Дружба». Пила «Дружба» сильно воняет и громко тарахтит, но пилит хорошо. Кругляки, или как их лучше назвать, ну, скажем, балдобабы, швырк-швырк под колун. А колун — шась-шась. Полчаса и готова целая поленица. Билет в клуб стоит 30 копеек. Фильмы интересные, почти новые. В магазине чисто и просторно. В магазине хлеб наш насущный, водка наша насущная, закуска наша однообразная, — сыр, колбаса, консервы — и даже шампанское, которое никому не нужно.

— Но иногда всё же зависть берет... у них тут лошади... так сказать, кони... а там, в городе, это недоступно... здесь букет запахов... молоко, навоз, трава, болото, дым, роса...

Подвыпивший пастух говорит: бери, мол, катайся, сколько влезет. И вот лошадь, или там конь, встряхивает тебя на колдобинах. Но, но, милая! Как тебя зовут, лошадка, сивый мерин, пегас, козерог? Лошадь, или там мерин, трусит по ухабам. Дергаешь за уздечку и — ногами. Дергаешь за уздечку и — ногами. Дергаешь за уздечку и — ногами. А эта лошадь-пегас-козерог всё равно быстрее не идет. Трусит по ухабам сволочь-дрянь-меланхолик, и всё.

И вот навстречу грузовик ГАЗ-69, ужасная развалина, просто барахло, круглые вмятины на дверях, словно кто-то таранил их головой. Громыкает цепями прицеп.

Командир, вождь, основатель и руководитель вашей бражки, вашей гоп-компании, вашей шараги, вашей, говоря официальным языком, строительной группы Сасша Биплан держит слово с грузовика. И опричники, побросав работу, — а ты на коне, — и врубив топоры в бревна (единственное, что красиво и легко получается), с покорным видом «не вели казнить, вели помиловать» ожидают. Речь лидера начинается с огромных взмахов огромными ручищами и с несколько необычного обращения:

— Сволочи!..

Ах, Сасша, ах, Бипланчик, ну почему ты не сказал как-нибудь поласковой, ну сказал бы: товарищи, или господа, или джентльмены.

Закат прекрасен, и твой силуэт на фоне заходящего красного круга, должно быть, тоже прекрасен.

— ...ничего не сделали, — продолжает Биплан, — а я там стараюсь материал выбиваю целый день без жратвы а тут пятеро оборотов не могут одного бревна обтесать а доски почему не ошкурили ой-ой-ой что я вижу вон то дерьмо кто прибил ну ладно пусть остается...

А ты с коня, величественно:

— Ошибаешься, сэр, очень много сделали.

— ...слезай сейчас же с этой зебры разобьешься мне потом за тебя отвечать вы поймите сволочи что я тут главный и мне отвечать за всё спросят не с вас а с меня...

Идешь и ведешь за собой лошадь. Прекрасно. Ты просто неотразим. Цокот копыт. Нет, стихи здесь не напишешь.

— ...бу-бу-бу-бу-бу-бу-бам-бам, — надрывается Биплан, на секунду умолкает перевести дыхание и снова: бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бам-бам-бам я стараюсь а теперь понимаю что вы просто неблагодарные люди ну я же вас просил а ты чего скалишься я же просил вас через несколько дней приедет директор нужно чтобы видимость какая-нибудь была ничего не сделано я думал увижу тут а ничего нет тара-тара бум-бум тара-тара бум-бум тара-тара бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум-бум...

Всё-таки как прекрасен закат.

— ...взял вас всех я дурак идиот себе волосы рву взял на свою голову а мог бы и не брать и очень теперь жалею что взял из всех вас только двое ты и ты хорошо работают а остальные все лоботрясы да что вы чёрт бы вас побрал не бесплатно же работаете чем раньше делаем тем раньше возьмем свои деньги и тем раньше смо-

таемся отсюда или вам нравится по колено в дерьме ходить...

— ...нет... нет... не нравится... нет...

— ...вы думаете мне не надоело вот плюну на всё и уеду брошу вас тут на произвол судьбы не надо было брать шантрапу ездил сюда договаривался а с вами каши не сварить вот Пертов не доволен зачем ты болтал мы мол не студенческий стройотряд и вообще хватит нами командовать а едой кто не доволен по пятьсот грамм мяса на человека где это видано...

— ...как недовольны... очень даже довольны... абсолютно довольны... раньше никогда так не ели...

— ...то-то же...

Во-первых, по 500 граммов мяса на брата в день вполне удобоваримой говядины, можно сказать, даже совсем свежей, от только что забитой коровы, правда, очень старой и, может, не по 500 граммов мяса, а по 450, но всё равно — обильно и зажиточно,

во-вторых, картошки какой угодно — ешь — не хочу, от пуза, жри, хоть лопни, картошка в любом виде — варёная, жареная, печёная, сырая, когда сырая, то на вид противная, зеленоватая и рябая, гниль,

в-третьих, молока — то же самое, от пуза, пей — не хочу, по полтора литра на человека, по поллитра, утром днем и вечером, красота,

а чай с повидлом это уже не в счет,

так что еда очень хорошая, как уже говорилось, всё обильно и зажиточно, очень хорошая еда, пища, жратва, шамовка, жвачка, корм, силос, бурда, баланда и прочее, как там еще называют.

Жилище тоже отличное. Относительно чисто. Пахнет сеном. Тесновато, но мягко.

Хозяйка заявляет: девок, мол, никаких не водить. Биплан согласен: никаких, мол, девок не будет. Кто приведет — того в шею. А кстати, есть ли у вас в селе девки?

Выясняется, что подходящих девок в селе нет.

Хозяйка говорит:

— ...молодежь молодежь она нонче не та молодежь пошла что раньше бывалось раньше что бывалось вот стра-да так часа два токо и спишь а то всё в поле всё в поле придешь рук ног не чуешь токо опустишься как глянть стучат снова пора иттить а таперича всё по-другому таперича отдолбал свое и на печку или на гулянку мы ж раньше тож гуляли но такого сраму как ноне не бывалось таперича молодежь расползлася у нас ишо колхоз бедный был таперича вот совхоз тоже небогатый вся молодежь и подалась кто куды кто в соседний совхоз кто в центральную усадьбу там всё ж покультурней будет а большинство конечно это в города вот у меня сын после армии в милицию пошел работать таперича в Москве в метро стоит на посту вона сестры сын каменщиком в городе у другой сестры дочка замуж вышла таперича в Кииви живет все молодые кто школу кончил у нас тут восьмилетка враз улетают кто на работу на заводы в мастерские кто в техникумы поступает шофер Ванька вот и вся наша молодежь а что им интересно что ли тут в грязи да в навозе ковыряться мужики наши кто не тракторист не механизатор так тоже разбежались двое вот в лесничестве еще двое на строительстве в соседнем хозяйстве всей деревни-то нашей дворов сорок так из них почитай шесть заколочеными стоят жить некому а на МТФ нас десять баб со всей деревни скоро уж и работать будет некому остальные пенсионеры была у нас тут Стеша вековухой мы ее звали так недавно замуж за электрика вышла живет в центральной усадьбе у них там дом каменный а свой тут на дрова продала он у ней плохонький был молодежь говорите вот ветеринарша наша Зинка так она через месяц домой уедет на Тамбовщину два года после училища отработала и хватит...

— Пбрядка у вас мало. Вот мы в прошлом году в Волоколамском районе работали, так там всё честь по чести...

— Порядку мало, что ни говори...

А управляющий отделением, человек прямой, просто говорит:

— Совсем нет порядка. Откуда же ему взяться? Пьют все поголовно. Бабы тоже. А матом кроют, — они, бабы, — хоть уши затыкай. Мужикам стыдно. Никто работать не хочет. Это вот самое главное. И ничем их не заставишь. Их одно интересует, заработок. Вот на вашу работу — зернохранилище отремонтировать — охотников найдется уйма. Почему? Да работа-то плёвая и прибыльная. Сколько вам обещали? Десять тысяч? Да ладно, не темните. Я всё равно знаю. Так своим зарабатывать не даем. Вот вас взяли. Но это уже отдельный вопрос. А вот, скажем, скотник нужен. Кто пойдёт? Никто не пойдёт. Инвалид пойдёт, придурок пойдёт. Земля есть. Земли много. Вон целое поле свёклы. Посеять — посеяли, а убирать некому. Так вся и погибнет, если шефов не пришлют. А пришлют — польза, но маленькая. Они ж выборочно свёклу убирают. Только самую крупную. Им же неохота мараться. Вот говорите, — порядку мало. Я вчера пятнадцать рулонов толя привез, всё честь по чести, выгрузил, в сарай отнес. Тут по делу надо было отбежать. Возвращаюсь, тьфу ты чёрт, сарай не запер. И что же? Пяти рулонов как не было. Куда делись? Кто взял? Ясное дело, кто. Кто-то свой, кто знает. Вот. И это среди белого дня. А вы говорите — порядку мало. Тут вор на воре сидит и воров погоняет...

Полтора месяца трудового подвига под постоянными окриками Сасши Биплана:

— ...работайте, работайте, нельзя же так наплеватьски относиться к делу...

— Подвиг не делают от хорошей жизни, — замечает Пертов, — в нормальной жизни нет места подвигу...

— ...ах ты лентяй, лоботряс, баклушейбой, трутень...

...ах ты мерзавец, феодал, плантатор, латифундист, мы тут не на галерах...

...работай, работай, да кто же так замок вырубает, дай топор, я тебе покажу, дай топор, кому сказал, дай...

Не дают Биплану топор. Не нужен тебе топор, Биплан. Болтай лучше с Зиной.

Зиночка жалуется:

— ...сил моих больше нет совсем мало осталось а дни идут как недели жду всё жду жду как в тюрьме нет даже хуже тут все хороши управляющий балбес с завскладом вась-вась материалы у него для себя получает бухгалтерша стервоза всем крутит как хочет директор-то без году неделя у нас на Тамбовщине и то лучше и асфальт и клуб большой кирпичный с колоннами и магазинов целых два и автобус в город рядом не за десять километров как здесь одним словом у нас там жить веселее...

И вот наконец-то работа закончена. Зернохранилище отремонтировано. Можно принимать хлеб. Торжественная минута. Сасша Биплан забивает последний гвоздь. Прибивается доска, которая должна сокрыть от людских взоров гнилую балку. Конечно, ее следовало бы сменить...

Шесть радостных рыл пересчитывают деньги. По тысяче двести одному рублю на брата. Нет, нет, пересчет. Общая сумма: семь тысяч двести шесть рублей. Правильно? Конечно, правильно. Двести шесть рублей исключаются из дележа. Это Биплану, бригадирские. Правильно? Ну ладно, правильно. А семь тысяч делятся поровну. Правильно? Правильно. Значит, каждому по одной тысяче ста шестидесяти шести рублей. Правильно? В остатке четыре рубля. А на четыре рубля кинем по-морскому. Ну-ка, мальчики, ваши пальчики. Один. Ничего. Ничего. Три. Один. И у меня один. Начинаю. Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Четыре рубля тоже ему, Биплану.

Сначала она пудрит тебе мозги:

— Вы там, наверно, говорили о женщинах. И ты им рассказывал обо мне. Хвалился. Вот, мол, с какой я сплю.

— Там были одни педерасты.

— Тебя они не развратили, бедный мальчик?

Она стоит перед тобой. Ты лежишь на полу и разглядываешь ее снизу вверх. Ноги, красивые, стройные, крепкие ноги, бегут, бегут и становятся бедрами, прекрасными бедрами, умопомрачительными бедрами, и как-то резко — два таких полукруга, две дуги — переходят в талию, восхитительная талия. Но самое восхитительное это ее груди. Их можно целовать бесконечно. Они маленькие, упругие, помещаются в ладонях...

Она круто поворачивается на каблуках — вот дура! — как солдат и марширует к двери.

— Марина! — зовешь ты.

Шуршит ее плащ. Звенят монетки в кармане. Выпали. Катятся по полу.

— Марина! — снова зовешь ты.

Она возвращается той же идиотской марширующей походкой. Бог мой, как это раздражает.

— Ну, что ты орешь, я никуда не уйду. Я брала сигареты.

— Давай ляжем.

— Не хочу. Голова болит.

— Давай погуляем.

— Ни за что. Ноги болят. Очень устала. Правда, давай ляжем.

Ты поднимаешься с пола и ложишься в постель. Марина ложится рядом. Она курит и смотрит в потолок.

— Паутина в углу... Слушай, у тебя никогда не возникало чувство, что ты будто стеклянный? А?

— Нет, не возникало.

— А у меня так часто бывает. Вот и сейчас. Повернусь — что-то треснет, хрустнет и я рассыплюсь.

Ты обнял ее.

— Я тебя соберу.

— Знаешь, я вот что хочу сказать... Я сегодня останусь с тобой, — я хотела уйти, потом передумала, — но это в последний раз. Мы не должны больше встречаться.

Ты вскакиваешь, как ужаленный. А она продолжает с жалкой улыбочкой:

— А ты думал, я — другая. Нет, мой маленький, ты ошибся. Я знаю себе цену. Было бы глупо приписывать себе достоинства, которыми не обладаешь. Актриса я никудышная, — да, да, — актриса я никудышная. Не надо. Ты в этом ничего не понимаешь. Ты, мой маленький мальчик, должен найти себе другую девочку. Ты найдешь себе миленькую славную девочку.

Ты схватился за голову:

— Прости, я ничего не понимаю. Или я пьян. Или я сплю.

— Только не надо никакой трагедии.

— Ты же говорила, что любишь меня... все эти слова... ты же их искренне говорила... зачем ты их говорила...

— Вот заладил — слова говорила. Я сейчас тоже слова говорю.

— Ты говорила, что любишь... любишь...

— Я и сейчас люблю тебя, милый. Слова — это мишура, серпантин, конфетти, слова ничего не значат. Есть определенные обстоятельства. И они изменились.

— Что за определенные обстоятельства? Ничего не понимаю.

— Ну, просто так дальше продолжаться не может.

— У меня в голове не мозги, а солома. Я ничего не понимаю.

— Поверь мне, я знаю. Так будет лучше для нас обоих. Главное, будет лучше тебе.

— Мне не надо лучше. Мне и так хорошо.

— Я всегда буду мечтать о тебе, о моем единственном любимом человеке. Пойми, кроме желания, существует долг. Если бы мы встретились раньше... если бы ты был ну хоть чуточку старше... если бы, чёрт побери, у нас были бы деньги...

— Что ты заладила — бы бы бы...

Сложила руки на груди, съежилась.

— Мне холодно. Милый, не кричи на меня. Крик абсолютно не нужен. Хорошо. Давай по порядку. Мне уже, — не еще, а уже, — двадцать девять лет. Я считаю, это много. Тебе же двадцать три.

— Ну и что же?

— Не перебивай. Я в том возрасте, когда нужно приставать к какому-нибудь берегу. Ты знаешь... я люблю тебя... я бы даже расписалась с тобой, но рассудок мой никогда не позволит...

— Я больше не могу. Я ничего не понимаю.

— Не надо. Не надо поцелуев...

— Ну пошли всё к чертям... будь со мной... ты для меня всё... ты мне мать, сестра... смысл...

Она вырвалась из твоих объятий. У нее на глазах слезы. Она говорит утомленно, очень тихо, еле слышно, просто шепчет:

— Всё равно ты меня не удержишь, милый мой мальчик. Нет, нет и нет. Пойми же наконец...

— Ничего не понимаю. Очень спать хочу. Утро вечера мудренее. Давай утром договорим. — Сказал и даже зевнул.

— Утром не будет по-другому.

— Марина!..

Она молчит. Делает отрывистые глубокие затяжки, яростно выдыхает дым.

— Марина!..

Ты бросаешься на нее.

— Пусти... сумасшедший... задушишь...

— Марина!.. не могу расстаться с тобой... люблю... не могу...

— Отпусти же меня... задушишь... синяк будет...

— Не могу я без тебя...

— О Господи, чуть не задушил... Еле вырвалась... Дурак... Честное слово, ты просто ненормальный...

Ищет на полу окурки. Отыскала.

— Нам только еще пожара не хватало!

Погасила.

— Значит, мне нужно просто скрыться? Я хотела проститься с тобой, провести последнюю ночь... Значит, нужно было просто исчезнуть. Так было бы лучше?

— Ничего не хочу знать. Я ничего не понимаю. Понимаешь ты, я ничего не хочу знать. Ничто не изменилось. Всё осталось, как было.

— Нет, маленький. Всё изменилось. В нашем распоряжении всего несколько часов.

— Ничего не знаю.

— У Бобочки кризис. У него кошмарное состояние. Если так будет продолжаться, он покончит с собой. Я это знаю. И кроме того, он дает мне деньги, он содержит меня. Да, да, и не делай, пожалуйста, такие безумные глаза. Я из породы людей, которых нужно вести за руку. Вот он и ведет меня за руку. Плохо, но ведет. А ты не можешь. Ты не можешь. Правда, ведь ты не можешь. Тебя самого нужно вести за руку. Бобочка поднял меня из грязи. Я недавно пыталась сосчитать всех своих любовников, дошла до ста и сбилась. Многих уже не помню... Есть долг, пойми, есть долг. Его родители ходят передо мной на цыпочках. Это Мариночке, то Мариночке. Они любят меня больше, чем своего сына. Они ужасно хотят внуков... Я не могу плюнуть им в лицо...

Она смотрит на тебя взглядом наркоманки, говорит глухо и хрипло:

— Мне иногда ужасно себя жаль. Я хочу как-то не так, по-другому... ничего не выходит... я хочу, чтобы...

ах, ладно... Я жертва, жертва... ну, не молчи, скажи же что-нибудь... скажи, что я правильно поступаю...

— Дура, у нас есть всё. Мы любим друг друга. Это так редко бывает. Ты мне нужна...

— Милый, я люблю тебя, я без ума от тебя, мой маленький мальчик, мой хороший...

— Ты противная... использовала меня, как проститутку... толкнула на панель...

Она улыбается:

— Милый мой мальчик...

Она целует тебя

Утром она уйдет.

Ты будешь звонить ей.

Она не будет подходить к телефону.

Лысый мальчик, толстый и голубоглазый. Приземистая девица по прозвищу Броненосец. Юный псих с архиерейским крестом на шее. «Я верующий человек. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Юный псих носит крест на цепочке от сливного бачка. И главарь шайки непризнанных гениев Вацлав Сизый-младший, бородатый, розовощекий, наглый, как танк, и очень начитанный. «Младший — это потому, что отец мой, светлый человек Вацлав Сизый, является старшим».

Шайка непризнанных гениев приносит с собой очень много дешевого вина — портвейн всех мастей, очень мало сигарет (их всегда не хватает, и тогда гении потрошат окурки, свертывают цыгарки), целый Монблан черновиков и рукописей, магнитофон, который как-то чудом не успели пропить, и уйму грязи.

После небольшой алкогольной заправки Вацлав Сизый-младший приступает к чтению новой поэмы. «Я написал ее в метро, когда ехал сюда». Вацлав Сизый-младший плодovit.

Обычно поэма начинается с посвящений.

— Тому, кто видит, кто слышит, кто знает,
Иоанну под номером 23, Папе Римскому,
Николаю Бухарину, большевику, жертве красного тер-
рора,
Феллини и Бергману, мастерам своего дела,
неизвестному автору Амадиса Гальского...

Лысый мальчик, толстый и голубоглазый, — он фи-
лолог, — перебивает:

— Амадиса написал португалец Васко де Лобейра
в пятнадцатом веке.

— Лёвке, Лёвушке, коллеге, — продолжает Вацлав
Сизый-младший. Юный псих, заслышав свое имя, на-
божно целует крест, — чмок-умуу, — судорожно крес-
тится, втягивает голову, закрывает лицо руками. Зага-
дочно розовеют его уши.

— И наконец себе, любимому, посвящается, — про-
должает Вацлав Сизый-младший, — эта поэма «Круг-
лый, как апельсин»...

После получасового жужжания он устает, да и го-
лос сдает, становится хриплым, и тут на смену заступа-
ет юный псих. После очередного возлияния.

— Давай, Лёвка! Круши, Лёвка!

— Погасите свет!

В абсолютной темноте Лёвка завывает и притопты-
вает ногами, демонстрирует очередной шедевр удивиз-
ма, новой литературной школы, созданной им и провоз-
глашенной им же авангардом русского искусства.

Лёвки хватает минут на пятнадцать, после чего си-
лы его покидают. Он в изнеможении валится на ковер.
Начинается вторая часть вечера, уже не столь офици-
альная.

И вот так — каждый раз.

«Ужасное состояние напились до блёва а ведь я еще
не закончил пятой главы в пятой главе у меня блеск
всё разложено по полочкам но в шестой я снова всё сме-
шаю а седьмая будет и вовсе о другом хочешь я тебе ее

посвящу так больше нельзя надо работать и работать с завтрашнего дня начинаем новую жизнь никаких пьянок только творческий процесс...»

Но новая жизнь никак не начинается.

Они уже порядочно надоедают тебе.

Жора Мерсисов, которого, кажется, не пронять никаким идиотизмом, и то сказал: «Честное слово, такого паноптикума я никогда еще не видел. Гони-ка ты их в шею».

Но их много, а ты один. И к тому же...

...подражаешь Гумилеву, Ходасевичу, Шершеневичу, Малевичу и Кандинскому, Ортеге и Гассету, непротитительное кровосмешительство, — заявляет Вацлав Сизый-младший. Он советует подражать основателю удивизма.

— Удивизм, коллега, имеет большое будущее. Наше призвание не удивляться, а удивлять. Лёвке как раз нужны ученики...

Кто-то, кажется, приземистая девица Броненосец заявляет:

— Пора уже теперь подыскивать место где-нибудь на улице Горького между Пушкиным и Маяковским для сооружения памятника выдающемуся поэту современности Евтушенке...

Главарь взрывается. Розовые щечки становятся пунцовыми. Розовые уши Лёвки угрюмо лиловеют. Филолог тоже разъярен.

— Этому ублюдку? этому подонку? этому стукачу? — Главарь сейчас упадет и станет биться, как припадочный. Лёвка и филолог тоже.

— Мне, мне нужно поставить памятник! — вопит главарь.

Броненосец испуганно закатывает глаза и берет свои слова назад.

— Мне, мне нужно поставить памятник! — надрывается главарь. — Мне, а не этому...

Он добросовестно перечисляет тщательно скрывае-
мые части тела обоих полов.

— Мне, мне нужно поставить памятник! Это я, я, я начал всё, когда здесь еще ничего-ничегошеньки не было. Это мы, мы, мы вынесли на своих плечах весь тысяча девятьсот шестьдесят такой-то год...

Пена.

— ...весь тот период. Я — поэт. Я был в психушке. Я прошел огонь и воду и медные трубы. Я был в ссылке как тунеядец. Когда я вернулся, я сменил миллион разных поприщ. Я был на поприще искусства отдохновения...

С юным психом, с Лёвкой, отцом удивизма и гигантом русского искусства, все же случается припадок. Вацлав Сизый-младший прерывает свою речь. Филолог настойчивыми пощечинами приводит в чувство юного психа. Юный псих сладострастно кривит губы. Он тоже хочет памятник. Юный псих забивается в угол и подозрительно оглядывает всех и вся.

Доходит очередь до утюга, старого и никому не нужного. Главарь пытается выкинуть его в окно.

— Я всегда так делаю, спроси кого хочешь. Везде так делаю, где бы ни был. Я у академика Цизальпинского так сделал. Электроутюги я оставляю, они пригодны в хозяйстве, но эти мамонты...

Ты хочешь рассвирепеть, но в этот момент звонят в дверь. Минутное отсутствие. Утюг полетел в окно и глухо шлепнулся там к вящей радости Вацлава Сизого-младшего.

— Рогнеда, — говорит рыжий мальчик, филолог, Броненосцу, — я хочу представить тебе своего друга, слесаря-гинеколога, безотказный специалист, если кто-нибудь нуждается в маленьком выкидыше, милости просим...

Рогнеда-Броненосец сразу кладет глаз на вошедшего.

— Чем занимаемся? Стихи, опять стихи... — говорит вошедший, гнусно потирая руки и гнусно ухмыляясь. У него вечно влажные губы.

— Устал, жутко устал. Прямо с работы. Чего у вас есть выпить. Кстати, старик, — он кивает тебе, — я договорился. Будешь работать через два дня на третий. Ночные дежурства. Гроши, конечно, но всё же...

И тут снова звонят в дверь. Соседка, та самая, что была мужа, с очаровательной улыбкой произносит:

— Нельзя ли потише топтать ногами, у нас штука-турка сыпется.

— Пардон, что по-французски означает извините.

— Мало того, что у вас магнитофон каждый вечер орет на всю Ивановскую...

— Извините, мы больше не будем. А не хотите ли зайти. У нас очень приятные молодые люди. Поэты, — приглашает главарь.

— Нет, нет, спасибо.

Она семенит по ступенькам.

— Милая бабёнка!

— В самом соку!

— Вот бы ей!..

— Еще бы, шарман!

Лёвик, юный псих, по-прежнему сидит в углу. Рогнеда-Броненосец удобно устроилась на коленях у так называемого слесаря-гинеколога. Рыжий мальчик внимает его рассказу.

— Погоди, давай выпьем, — предлагает главарь.

Выпиваешь стакан портвейна — мерзкое пойло, и тоже забиваешься в угол.

— ...игривая и вся в бранзулетках увидела меня ах какой вы молодой а у меня кастрец болит спрашиваю что это такое а она сами знать должны государство на вас деньги тратило раздевайтесь говорю посмотрим ваш кастрец или крестец я на двойки учился точно не знаю ах какой вы пряткий а сами не можете наощупь нет не могу ну а вчера меня терапевт через пальто прослуши-

вал потом мужчина с женщиной говорю что у вас болит он к жене Шура что у меня болит задница у него болит передайте ему чтобы штаны снял осмотрел передайте ему что у него геморрой не может быть он у него уже был ему вырезали был да не сплыл отвечаю нет говорит у него видно съпились а что это такое а это съпь такая от грязи у нас уборную уже третий год не моют никак не могут дежурства по соседям распределить вот говорю направления вырежут унитаза да нет не унитаза а грыжу разве у него грыжа я ж говорил что геморрой а вам не нравится пусть будет грыжа заходит субчик вида угрюмого с усами кавказскими тип что с вами а ты сам отгадай как же я отгадаю а как хочешь так и отгадай иди говорю к растакой-то матери уходит и снова влетает помогите очень уж болит так мол и так а кто она и как ее зовут не знаю встретил на улице у магазина русский сувенир ну что ж ступайте к венерологу и ещё один приходит с транзистором зачем с транзистором пришли а я не к вам я его невропатологу отнесу так каждый день...

— А это вот купить не хочешь? — интересуется главарь и вынимает пачку фотографий. Обнаженные девочки в возрасте от 15 до 50 откровенно демонстрируют свои прелести. — Это из Германии.

— Думаю, это всё местные шлюхи.

— Жуткая порнография.

— Это не порнография. Я читал в Уголовном Кодексе. Порнография это когда в непристойном виде демонстрируется половой акт...

— Так и написано.

— Да, в комментариях к УК.

— Всё равно, за это тоже могут дать срок. Был бы человек, а статья найдется.

— Хотите стриптиз? — спрашивает Рогнеда-Броненосец.

— Горим желанием.

Пустые бутылки катятся по полу. Рогнеда-Броненосец бабочкой соскакивает с колен.

Кофта летит в главаря. Юбка, — сначала она в ней путается, — в рыжего мальчика.

— А дальше не могу, стесняюсь, — кокетливо произносит Рогнеда-Броненосец.

Стриптиз угасает так же внезапно, как вспыхнул.

Вацлав Сизый-младший и рыжий мальчик-филолог отправляются по домам, к женам. Юный псих Лёвушка мирно спит на полу, положив под голову обе лапки. Рогнеда-Броненосец ложится с этим, ну который прекрасный рассказчик, и ее истошные вопли, — пьяная дура, совершенно пьяная дура, — выгоняют тебя на улицу.

...Больных много, в коридоре двое на раскладушках лежат, вот мы и застряли, и старичок под себя наделал, пришлось его обратно вести, ему уже мало оставалось, пить в больнице никому нельзя, а у него в тумбочке всегда бутылка мадеры, это его любимое вино, мы с ним даже вместе как-то выпили, славный старичок, сейчас, наверно, уже помер, никому не желаю в больницу попадать, обстановка очень тяжелая, кормят скверно, в день чуть больше, чем на полтинник, еще Толика очень жалко, худой, бледный, кожа да кости, очень мучился, совсем не хотел умирать, глаза у него были полны ужаса, и все твердил, скажите, я умру, умру, я его, естественно, успокаиваю, нет, не умрешь, врачи вылечат, а он не верит, он не дурак, знает, что его песенка спета, может, и не знает, но чувствует, а няньки его тоже утешают, на твоей свадьбе гулять будем, какая свадьба, смех один, он уже и есть не мог, потом он как-то затих и несколько дней молчал, ни о чем не просил, ни на что не жаловался, только иногда плакал, выхожу я на дежурство, а мне го-

ворят, Толик умер, сейчас его в морг повезешь, везу я его, а меня самого ужас охватывает, вывез его из лифта, а простыня сползла, он голый, я так, чтоб не глядеть, поправил простыню и дальше, а морг за больницей в глубине, через сад, колесики скрипят, темно, и только впереди тускло светит лампочка, бегом, бегом, привез, а от запаха (воняет в морге жутко) чувствую — сейчас стошнит, вдруг откуда-то привидение в белом халате, закурит есть, а сам яблоком чавкает, покойничка привез, что ж сейчас его определим, подходит ближе, водкой от него разит, и все чавкает, сейчас меня точно вывернет наизнанку, я бежать, а он мне вдогонку, каталку-то заberi, я назад, он Толика, как бревно, швырк, и все чавкает, чувствую, меня уже ноги не держат, ну, думаю, лучше дерьмо выгребать, к чертовой бабушке этот приработок, лучше голодным ходить, маму вспомнил, ее тоже какой-то подонок так швырял, нет, нервы у меня, конечно, не в порядке, жаль Толика этого, совсем молодой парень, очень нужно иметь здоровую психику...

— Поймите, будут только наиболее близкие люди, так что Жору Мерсисова с собой не берите. Это я предупреждаю. Он пить не умеет, и потом Гриша (так зовут ее мужа), очень ревнует меня к нему. Не знаю, чем это вызвано, но ревность какая-то зверская, как у Отелло. Кроме того, Мерсисов напьется и упадет носом в тарелку. Один раз это уже произошло. Мы сидели в «Арагви» в обществе одного... ну, неважно, одним словом, с нами был весьма уважаемый человек, и мы имели глупость пригласить с собой этого Мерсисова. Он, конечно, чудный парень, талантливый человек, но невыносимый алкоголик. Он напился, окосел буквально после одной рюмки и упал носом в тарелку. У нас был шикарный стол. Пришлось все оставить, встать и уйти.

Все на нас пальцами показывали. Мерсисов годится только для балды. Что? Я говорю с ним хорошо только в балду играть. Я к телефону не подхожу, так если он вам позвонит и спросит, собираетесь ли вы к нам, скажите «нет». А сами приходите обязательно. И Марину берите с собой. Будет очень милое общество. Будете без Марины? Очень жаль. Но сами обязательно приходите.

Общество действительно очень милое.

1. Сияющая Мадам в новом платье со сногшибательным вырезом.
2. Некто Иванов, театральный критик и альбинос.
3. Фридоочка, подруга Мадам с доисторических времен, крупная женщина, вся в барашках.
4. Сонечка, или Сончик, ее дочь, с виду идеал дуры, девственна, как заповедник.
5. Профессор Пал Палыч Пэнкин, козлотородый и умный.
6. Гриша Отелло, муж Мадам, называющий ее Мурлыкой, самодовольный, загорелый, как черт...

— Еще бы, только вчера купался в Индийском океане. Прекрасная, какая прекрасная страна, сказочный остров, остров пряностей... в отлично сшитом светлосинем костюме.

— Это в Коломбо, у портного-китайца, без единой примерки, за два дня и совсем недорого.

— А мы думали, костюм от Диора, — говорит некто Иванов.

— Оставь в покое приемник, через этот вой все равно ничего не услышишь.

— Но приемник просто прекрасен, с 11 метров, четыре антенны...

— Там много прекрасных вещей, на все денег не хватило...

— Гриша, Гриша, не открывай «Кент», я только что распечатала блок «Марлборо».

— Пусть будут и те, и эти, — снисходительно замечает Отелло. — Вот, друзья, примите небольшие подарки...

И он раздает зажигалки, жевательную резинку и шариковые карандаши с плавающими женщинами (вверх — в купальнике, вниз — без).

— Оригинально!.. Оригинально!.. Потрясающе!..

Фридошка, забавно подмигнув Мадам, произносит:

— Ну, это нас мало интересует. Я имею в виду нас, женщин... — и щипет зачем-то под столом свою дочь за коленку.

— Жене-то навез тряпок, шкаф ломится.

Отелло машет рукой:

— Барахло одно.

Мадам приглашает Фридошку в соседнюю комнату. Та силится подняться, но кресло низкое, мягкое, и это ей удается с трудом. Однако некто Иванов усаживает ее обратно.

— Хватит. Успеете еще позабавиться тряпками. Давайте выпьем, я знаю великолепный тост.

— Просим, просим...

— Жили-были на белом свете два падишаха. Один падишах был злым, другой добрым. У доброго падишаха всегда весело. А злого падишаха зависть одолевает. Ну, думает, надо начать войну. Но в те далекие времена войны тоже не начинались без повода. Подослал злой падишах наемников к доброму, и те убили его любимого сына. Долго плакал добрый падишах, опечаленный смертью любимого сына, а потом снова начал веселиться. Тогда злой падишах снова послал наемников, и они убили его любимую жену. Долго плакал падишах, а потом снова стал веселиться...

— Ну, достаточно, знаем мы эти восточные штучки!

— Если вы устали...

— Нет, нет, продолжайте...

— Потом снова стал веселиться. Тогда злой падишах в третий раз послал наемников, и они убили люби-

мого конюха доброго падишаха. Очень разгневался добрый падишах и выступил в поход. Долго воевали падишахи, и ни один из них не мог одержать верх. Наконец обе армии истощились, пришла пора заключать мир.

— Протоколов заседаний мирной конференции зачитывать не надо...

— Не буду. История их не сохранила. Встретились падишахи. Вот злой и спрашивает. Скажи, говорит, добрый падишах, почему, когда я убил твоего любимого сына, ты не начал войну? почему, когда я убил твою любимую жену, ты не начал войну? но почему, когда я убил твоего любимого конюха, ты пошел войной? Знаешь, ответил добрый падишах, я не стар, и сыновья у меня еще будут, найти себе любимую жену я тоже смогу, а вот конюх был моим лучшим другом, а лучший друг бывает только раз в жизни. Так выпьем же за наших друзей!

— И за гарем падишаха!

— Великолепный тост!

— Просто прекрасный тост!

— Восхитительно!

— Изумительно!

— Колоссально!

Звенит хрусталь.

— Одну минуту! — Мадам чарует своей улыбкой. — Подождите! Среди нас присутствует мой юный друг, молодой поэт... — Она кивает на тебя. — Я хочу выпить за то, чтобы он стал нашим общим другом и за его успех!

Все чокаются с тобой, любезно скалят зубы.

— Надеюсь, вы не из шайки Мерсисова? — почти сурово спрашивает Гриша Отелло.

— О нет, нет, — влезает Мадам — они едва знакомы. Не так ли, дружок?

— Так, так, именно так, — киваешь головой, как китайский болванчик.

— Знаете ли вы, кто его дама сердца? — Мадам выдерживает паузу. — Текинская. Марина Текинская, киноактриса.

— О, вот как! — вскидывает брови Отелло.

— Она очаровательнейшая девушка. Жаль, что вы не привели ее сегодня.

— Жаль, — говорит Отелло, — но в другой раз обязательно...

— Рад стараться! — четко отвечаешь ты, и Отелло смотрит на тебя с недоумением.

— А чем моя Сонечка не киноактриса? — говорит Фридошка и закатывает глазки. Но на них никто не обращает внимания. Все смотрят на тебя. Ждут твоих слов.

— Спасибо за добрые пожелания. Я предлагаю выпить за этот гостеприимный дом и за его хозяев, — говоришь ты.

— Превосходно! Превосходно!..

Круг почета. Элегантно чокаешься с Мадам. Отрывисто с ее Отелло. Чокаешься с некто Ивановым, обойдя Фридошку, которая заявляет, что больше пить не может и должна сделать перерыв.

— Молодой человек произнес достойный тост, и я с удовольствием присоединяюсь к нему, — шамкает в своем углу профессор. Он только что проснулся.

Подходишь к профессору, чокаешься с ним. Профессор радостно осушает рюмку водки, пожалуй, первую за весь вечер.

Отелло с набитым ртом бубнит тебе в ухо:

— Профессор, чвак-чвак, хоть и стар, чвак-чвак, но, чвак-чвак, отличный мужик, чвак профессор сделал меня человеком, чвак-чвак, это мой профессор...

— Не преувеличивай, Гриша, — дребезжит профессор.

— Я не преувеличиваю...

Гриша делает последний «чвак» и продолжает:

— Я не преувеличиваю. Отличный ученый. Знает уйму языков: английский, французский, польский, чешский, сербский, македонский, болгарский, старославянский, украинский... и еще какой? — Пол-оборота к профессору.

— Еще белорусский, — поясняет профессор.

— И еще белорусский, — подняв вилку, заканчивает Гриша.

— Ешьте селедку, — призывает Мадам, — чудесная селедка, ну просто балык...

— Скоро мы будем есть кильку и говорить: ах, какая чудесная килька, ну, просто селедка!..

Шутка некто Иванова вызывает короткий всплеск смеха. Затем гости набрасываются на селедку, жуют, пьют, болтают, шумят.

— Бог мой, нас всего семь человек, а такой гвалт! Гриша, Гриша, угомонись!..

— Меня просят рассказать о Цейлоне. Ну что мне рассказать вам про Цейлон? На острове прекрасная погода...

— Но вы же были не только на Цейлоне...

— Не только... Нью-Дели, Рангун, Джакарта, несколько часов в Сингапуре...

— О, как это интересно! — восклицает Фридошка. — Вы должны просветить нас с Сончиком. Вот У Ну, это где он? Он приезжал к нам, кажется?

— У Ну свергли, вот уже несколько лет как свергли...

— И что же там теперь?

— Теперь там генерал Не Вин, строит социализм по собственному образцу.

— Это где?

— Это в Бирме.

— А как дела в Индонезии? Джакарта это, кажется, в Индонезии?

— Совершенно точно. События в Индонезии штука сложная. Профессор, что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, это нам на руку. Лучше иметь там антикоммунистический режим, чем прокитайский.

— Но они же убили там массу людей!

— Цифры, я думаю, несколько преувеличены. Пострадали в основном китайцы. Вы знаете, что в Индонезии проживало около трех миллионов китайцев?

— Один мой знакомый актер употребляет следующее выражение: ах ты Сукарно...

— Ха-ха-ха, как остроумно!

— Китайцы называют свое государство «срединным», то есть находящимся между небом и землей. В нем они видят истинное воплощение смысла человеческой жизни. Государство — это все. Остальные народы — варвары. Отсюда и идет линия маоистского шовинизма...

— Профессор, это очень интересно, но слишком сложно для нас.

— Слушай, Гриша, продай мне сертификаты, ну что ты их солить будешь?

— Ох, погоди, Фридошка, не надо сейчас об этом... Иванов, оставь в покое приемник! Нет, я не боюсь, что сломаешь, просто этот ужасный треск, выключи, ради Бога!

— Ешьте фрукты!

— А где сейчас Дубчек? Сидит в тюрьме?

— Вряд ли. Кажется, инженером на каком-то заводе.

— А кто это — Дубчек?

— Наливайте полней!

— Давайте пить под песню!

— Это как?

— А вот так! Подтягивайте! Подхватывайте! Выпьем мы за Гришу, Гришу дорогого, свет еще не видел пьяницу такого, Гриша, Гриша, пей до дна...

— Почему начали именно с меня?

— ...Гриша, Гриша, пей до дна, Гриша, Гриша, пей до дна... сразу пьяница видна...

— Ох-хо-хо!

— Выпьем мы за Фриду...

— Ай нет, я не буду!

— ...свет еще не видел...

— ...за Пал Палыча дорогого, свет еще не видел
пьяницу...

— ...дорогого, свет еще не видел пьяницу такого...

— ...Соня, Соня...

— ...Нет, не так!..

— ...Сончик, Сончик, пей до дна...

— ...сразу пьяница видна...

Хоровое пение нарушает резкий, отрывистый, вполне интеллигентный звонок.

— Кто бы это мог быть?

— Ума не приложу. Я больше никого не приглашала.

— Может быть, это Светлана с последнего этажа. Я встретился с ней в лифте.

— Может быть, и она, но как некстати!

Но в дверях вырастает могучий, как шкаф, Жора Мерсисов. Отелло краснеет как рак. У него начинает дергаться левый глаз.

— Гришка, черт, дай я тебя обниму! — радостно кричит Мерсисов. — Я — к вам на огонек. Иду, гляжу на окна — свет.

— Знаешь, Жора, мы как-то экспромтом собрались, ничего особенного нет, — щебечет Мадам, — я очень устала и ухаживать за тобой не могу...

— В ГПУ оправдываться будешь!.. Гришка, черт, я должен с тобой выпить!

— Я не пью, не пью.

— Ух ты, каким стал! Брось дурить! Я и слушать этого не желаю! Ну ладно, будь здоров! Богатей! Жирей! Но не ожирей!

И к Мадам:

— Шубу-то он привез?

— Какие там шубы, там сплошная тропическая жара... Между прочим, мы говорили об очень интересных вещах, ты вошел и как всегда все опошлил.

— Да, да, он всегда так. Нас только ставит в неловкое положение, — недовольно бурчит Отелло.

— Я все равно не уйду. — Мерсисов невозмутим. — Хоть в шею меня гоните, а я все равно не уйду.

— Никто тебя не гонит. Просто раз ты пришел в таком виде, то не привлекай внимания, сядь куда-нибудь и помалкивай.

— Хорошо, я уже молчу... А это что за фифочка? Это твоя дочь? Фридошка, что ты молчишь, я же к тебе обращаюсь?..

Фридошка даже не смотрит на Мерсисова. Она поглощена беседой с профессором.

— Скажите, профессор, а будет ли война с китайцами? Я этого ужасно боюсь.

— Не сто́ит, — мягко говорит профессор, — во-первых, они не осмелятся, а во-вторых, если нам удастся развязать руки с Западом, мы сами сможем...

— Русский с китайцем братья навек, крепнет единство народов и рас, плечи расправил простой человек...

Жора Мерсисов расправляет плечи...

— ...плечи расправил простой человек, Сталин и Мао слушают нас.

— Прекрати, прекрати...

Жора Мерсисов не слушает и орет во весь голос:

— Москва — Пекин, Москва — Пекин, идут, идут вперед народы, за прочный мир, за светлый мир...

— Прекрати!

— ...под знаменем свободы...

— Прекрати!

— Да что ты, Гриша, как жандармский ротмистр! А еще я могу вас порадовать песенкой «Алеет Восток»...

— Хватит!

Но Жора Мерсисов не слушает.

— Румяной зарею алеет Восток, в селе за рекою потух огонек...

— Хватит!

— Ничего страшного. Это же Пушкин.

— Пастушка младая на рынок спешит...

— Дайте ему крепкий черный кофе.

— У нас он кончился как назло. Есть только чай. Великолепный цейлонский чай.

— Дайте ему крепкого чаю. Это его отрезвит.

— Слушай ты, Спиноза, оставь меня в покое, — говорит Жора Мерсисов Фридошке.

— Я не Спиноза, — отвечает та, — и вовсе не хочу ею быть.

— Жора, успокойтесь, — просит Мадам, — я сейчас сделаю вам крепкий чай.

— Не стоит беспокоиться. Ты не умеешь.

— Тогда завари себе сам.

— Ничего не выйдет. У вас чайник металлический.

— Ну и что же?

— А надо фарфоровый.

— Какая разница?

— Только идиоты заваривают чай в металлических чайниках... Я не хочу сказать, что ты идиотка... Ты всегда пьешь только кофе...

— Молодой человек... Да, да, я к вам обращаюсь, — шамкает профессор, — молодой человек, а я вот всегда завариваю чай в металлическом чайничке...

— Значит, вы идиот, — спокойно замечает Жора Мерсисов и берет сигарету.

Профессор оцепенел, сидит в своем углу и больше не шамкает.

— Жора! — громко и четко, словно на эстраде, произносит Отелло, поддерживаемый огненным взглядом Мадам. — Я считаю, что ты должен покинуть наше общество...

Жора Мерсисов слегка упрямится. Ты подходишь к нему и берешь за плечи. Он встает, и вы вместе выходите в коридор.

— Я, может быть, и не прав, старик, но уж очень меня вывело это его «а я вот»...

Влетает взъерошенный Отелло.

— Ты такие номера выкидывай где-нибудь в кабаке, а не в приличном доме...

Жора Мерсисов не глядит на него. Жора Мерсисов целует тебя в щеку и говорит:

— Старик, не оставляй меня сегодня. Старик, мне страшно одиноко.

Жора Мерсисов неторопливо одевается.

— А от вас, молодой человек, я этого не ожидал, м-да, — качает головой Отелло.

Ты достаешь зажигалку, маленький подарок Отелло, и даешь прикурить Жоре Мерсисову.

— Дайте и мне...

Отелло берет зажигалку, прикуривает и как бы машинально опускает ее в карман.

— Гриша, передай обществу, что мы ушли по-английски, — говорит напоследок Жора Мерсисов.

Ты следуешь за ним.

Дурак-сосед завел музыку. Ду-ду-ду... Ду-ду-ду... Дурак-сосед танцует. Дурак-сосед каждый вечер заводит музыку.

Появляется дурак-сосед. Очки в золотой оправе. Небесное сияние. Сладчайшая улыбочка на губах. Сахар, мед, мармелад. Глазки бегают, зырк-зырк, — сверкают. Серенький костюмчик. Светлый гаслтучек. Туфельки начищены. Ослепительно белая сорочка. Просто картинка из журнала мод или манекен из витрины ГУМа.

Манекен говорит: вот соседи живем рядом а годами не знаем о друг друге не подозреваем о существовании хи-хи надо чаще бывать да да знаю какое у вас большое горе но это ничего у меня вот тоже мама умерла тут ничего не скажешь в такой ситуации как говорится слова излишни...

Рассматривает стены. Близоруко щурясь, наклоняется к одной из фотографий.

Говорит: это кто же а понимаю это надо полагать Паустовский так значит Паустовского любите как его по батюшке Константин сами не знаете ну неважно не столь важно говорят вы стихи пишете я знаю я все знаю по-моему Ионеско дрянь пишет читал его Бегемота кажется забавно но дрянь прочли бы что-нибудь ну что самому больше всего нравится не хотите ну ладно на нет и суда нет нет настроения я понимаю о как я это, понимаю пройдемте ко мне у меня никого я один как перст идейный холостяк пройдемте...

Большая комната. Полумрак. Музыка: ду-ду-ду... Два кресла. Низкий столик. Появляются бутылка вина, рюмки, яблоки.

Говорит: за ваши успехи я еды в доме не держу ешь обычно в кафе в столовках иной раз и в ресторан сходишь а вот вино и фрукты у меня всегда имеются сухое вино хорошее а есть и покрепче жениться не собираетесь нет ну и правильно еще успеете простите сколько вам лет скоро двадцать четыре это так сказать не очень много но уже и не мало простите за нескромность но я видел вас с киноактрисой с этой запомнил мне только сорок лет а уже вот склероз постоит сейчас я найду в журнале ага вот она Марина...

И по складам: Те-кин-ска-я... очень интересная женщина я думаю в Голливуде она была бы звездой первой величины а у нас знаете ли эта колхозная тематика нет и нет она должна играть королев снимается ли она сейчас ах вот как непременно пойду посмотреть очень люблю кино летом были на кинофестивале жаль

что вам не повезло кое-что очень понравилось но на мой взгляд первые фестивали были гораздо содержательнее гораздо что вы что вы пожалуйста курите я открою окно вы не простудитесь нет не идите домой у меня тоже есть сигареты «Столичные» курите подойдут ну вот и хорошо сам не курю а для друзей держу а может быть все-таки прочтете что-нибудь под настроение ну как знаете не буду настаивать у вас все молодежь молодежь все поэты как говорится люди большого накала это интересно вот что давайте почаще видаться а то ведь я один как перст вот еще что есть у меня к вам маленькая просьба не знаю даже как начать словом если будет у вас что-нибудь почитать вы понимаете о чем я говорю то дайте мне взглянуть хоть краешком глаза буду вам очень признателен но сами понимаете все это сугубо между нами ну вот и договорились и еще вот что заходите ко мне с девушками посидим поговорим потанцуем ну как идет выпивку разумеется я беру на себя это мой долг как хозяин дома я должен обеспечить...

Говоришь ему: все будет о'кей, старина, только девушки у меня все серьезные, все больше классическую музыку любят, у вас фуги Баха найдутся?

Нет, не найдутся у него фуги Баха.

Ну и дела, старина, вино есть, фрукты есть, а фуг Баха нет. Обзаведитесь, непременно обзаведитесь.

Обзаведусь, уж непременно.

Ну вот и хорошо. Когда обзаведетесь — сообщите.

Он обзаводится и сообщает. И ты являешься к нему с рыжей Нинкой, официанточкой и с ее подругой Зинкой, тоже официанточкой. Ведут они себя нагло, а дурак-сосед ставит пластинку фуги Баха. Что за божественная музыка! Дурак-сосед скучает. Нинка рыженькая скучает. Зинка скучает. Ты тоже скучаешь, но радуешься. Дурак-сосед подмигивает тебе. Дурак-сосед откупоривает бутылку. Ты встаешь и просишь извинить: выйду только на одну минутку, забыл погасить

свет в уборной. Они кивают: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. Но ты исчезаешь совсем. Берешь билет на последний сеанс на румынский фильм «Даки». Пьешь в буфете жигулевское пиво. Пусть дурак-сосед слушает фуги Баха.

Женишься на приличной девочке, она будет щебетать по утрам как птичка, будет готовить легкий завтрак, худенькая, с острыми плечиками, с короткой стрижкой, в меру умная, в меру веселая, идеал,

о какая чудесная выставка в музее Пушкина, нам необходимо ее посетить, Хемингуэй, о нам очень нравится Хемингуэй, мы очень любим Хемингуэя, мы просто без ума от Хемингуэя, у нас дома есть его портрет из журнала «Америка», только Хемингуэй чуточку, ну вот самую малость, ну вот на такую чуточку, на кончик пальца, грубоват, нет, грубоват, не спорьте со мной, я все-таки женщина.

соберутся милые друзья, все прилично одеты, ни слова мата, пьют очень мало и только сухое вино,

просто великолепно, но, поверь мне, тут нужно переделать, поверь мне, я остро ощущаю малейшую неточность, в общем и целом это великолепно, но есть некоторые незначительные погрешности,

благоглупости и нежнопакости,

мы не тряпичники, не мещане, но нужно же одеваться по моде, через силу приходится переплачивать всем этим торгашам, жаль, что я не научилась шить сама,

или пусть лучше умеет шить,

хорошее платьеце, скажи, поцелуй меня, оно очень идет твоей кисуле, а тебе я сошью рубашечку в горошек, будет очень красивая, поцелуй свою крошку, нет, не так, в губки, ха-ха, сладко, ха-ха, я ела конфетку,

стук швейной машинки сливается со стуком пишущей, совместно кипят работа и творчество,

он у меня творческий человек, такой творческий, что по ночам не спит, все пишет, пишет, а мне не спится без него,

нет, по ночам нельзя не спать, это разрушает нервную систему и влияет на потенцию,

надо жить просто, довольствоваться малым,

утро, еле брезжит рассвет, звонит будильник, семь часов, воркуют голуби, жарится яичница или варятся сосиски, ах, масло кончилось, но можно и без него, мытье, бритье, свежая рубашка, чистые носки, наспех проглочена еда, кросс по проходным дворам к остановке автобуса, трамвая, троллейбуса, или к метро, тяжелые века, глаза сами закрываются, нужно ложиться раньше, а можно и по-другому,

ведь написано, нет, не то слово, создано столько прекрасных романов, повестей, рассказов, очерков, баллад, поэм, эпоей, трилогий и пенталогий, поставлен миллион спектаклей, снято три миллиона кинолент, многотысячная армия работников искусств всегда в бою,

известно каждому школьнику, с кого нужно делать жизнь,

и что самое главное,

как делать и во имя чего,

чтобы не было обидно, больно, стыдно и т. д.

со светлым лицом и радостной улыбкой,

матово сияют зубы,

все выше, и выше, и выше,

идти в ногу со своими сверстниками и старшими товарищами, победно, целенаправленно, бодро, поступательно, торжественно, дерзать, стремиться, учиться, бороться и побеждать,

лучше жить на коленях, чем умереть стоя,

и тогда можно будет взять судьбу в свои мозолистые, как говорится, с детства натруженные руки,

выполним, перевыполним, ознаменуем, претворим,
дадим, ответим, отметим, внесем свой вклад,
храните деньги в сберегательной кассе,
тот, кто утром кофе пьет, тот весь день не устает,
сила солому ломит,

яркие пятна афиш, цыганский театр «Ромэн», се-
годня Розалия Шикарная, мандолина и контрабас, кино,
цирк под водой, дрессированные медведи, хождение на
передних лапах, Иван Завзятых, нам песня строить и
жить помогает, Опондирого Намадагалагалукша, танцы
народов Индии, мюзик-холл п/у Бобкочарова, заслу-
женного артиста Армянской СССР и КБАССР,

истуканы всех мастей, истуканы вверх, истуканы
вниз, лестница-чудесница, метрополитен — бриллианто-
вый пояс столицы, лепка и мозаика, нью-ренессанс,
модерн-барокко, ультра-рококко,
через плечо соседа в газету,
аппетиты «Вестингауза»,
которым отведен целый подвал,

американские монополии уже давно ведут наступ-
ление на Западную Европу, они ищут всевозможных
лазеек, чтобы проникнуть в решающие отрасли про-
мышленного производства Англии, Франции, Италии и
других стран, прибрать к рукам,

с претензией на оригинальность,

англичанин Джон Сколток считает самым удобным
и надежным средством передвижения свой бронетранс-
портер, 40-миллиметровая броня надежно гарантирует
машину при столкновении с любым транспортным
средством, двухместный бронетранспортер развивает
скорость более 80 км. в час, имеет 10-ступенчатую ко-
робку передач, оснащен двумя радиоприемниками и
высокочувствительным передатчиком,

некоторое время назад в бассейне реки Амазонки
было обнаружено племя индейцев, которые до сих пор
пользуются каменными орудиями труда, попытки уста-
новить с ними контакт ни к чему не привели, все племя,

насчитывающее 200 человек, живет в одной большой хижине,

так выросли предприятия в Холме, Скогове, Свентохловипе, взять те же Катовице, здесь в сердце Силезии особенно,

1969 год ознаменовался для трудящихся социалистических стран новыми большими трудовыми успехами,

хроника уходящего года,

Анкара, угроза суверенитету, американские базы, Бомбей, крупное событие, Рангун, происки монополий, Тунис, иронические заметки, подарочек под Рождество, бои в Индокитае, нажим нефтяных королей, жандармские замашки, гость Грузии, награды вручены, встреча в ВЦСПС, юбилей поэта, пульс Калькутты, верительные грамоты вручены, голос общественности, в интересах европейского мира, указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении,

по сложившейся традиции в конце декабря в Швецию приходит большой международный хоккей, в Стокгольме, Гётеборге, Вестеросе начинаются матчи интересных соревнований, восемнадцатый раз разыгрывается кубок Ахерана и одновременно проводится матч на кубок Звезд,

хунта лезет в долги, государственный долг Греции достиг 47,2 миллиарда драхм,

видные деятели испанской оппозиции направили правительству Франко петицию, в которой содержится призыв разрешить создание свободных демократических профсоюзов,

«Интерк

сообщ

осмос»

ение ТАСС

газета сложена пополам,

в больной голове список участников алкогольно-сексуальных игр, имена по порядку, Аля, Люда, Нина, Ири-

на, Тамара, Светлана, Наташа, Татьяна, Ольга, еще одна Наташа, Эльвира, Ева, еще одна Ирина, Мария, Марина, Лиза,
возрастной диапазон от 17 до 38,
национальный состав: 6 русских, 3 украинки, 1 татарка, 1 еврейка, 1 венгерка, 3 сборных солянки, 1 неизвестная,
итого по 3,2 женщины в год,
плюс пять неудач,
нет, мы можем быть только друзьями,
агу, так вот что тебе надо,
я так не могу, я еще так никому не давала,
прошу тебя, не нужно, ну прошу тебя, я девушка,
уже поздно, если бы ты раньше намекнул, я что-нибудь придумала и смогла бы остаться,
и один позорный случай, когда прекрасная полька по имени Дануся, очаровательная и нежная,
а кто-то из твоей компании, какой-то жлоб принялся ей доказывать, что если Польша не згинела, так только из-за того, что ей вовремя помогли, и что поляки вообще плохие солдаты и воевать не умеют, и все это лишь потому, что его обожаемый папаша чуть было не погиб там,
ехали они на машине по лесной дороге, а их из автомата, и ведь не война, а тысяча девятьсот пятьдесят шестой год, вот ведь какие полячишки подлый народ,
и все-таки мы, пани,
говорит, ничего не понимая, красавица Дануся и мечтала тебе отдаться, но ничего не вышло,
убежать бы куда глаза глядят,
лист бумаги в пишущей машинке «Москва», очень дрянная машинка, клавиши западают, долбать нужно с силой, плохо ходит каретка, ровный текст, словно зубы голливудской крали,
когда очень сильно болит голова, я не принимаю лекарства,
принимать лекарства это не мое ампула,

буква «о» сильно косит влево,
оставьте меня в покое, сволочи,
и на три строки многоточие

.....
.....
.....

а потом еще двадцать пять раз
сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи,
сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи,
сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи,
сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи, сволочи,
сволочи,

а двадцать шестой только «сво»,
милый Гриша, продай мне сертификаты, ну что тебе
стоит, у тебя же их так много,
поэма с посвящениями, «Круглый, как апельсин, круг-
лая красная морда Вацлава Сизого-младшего, юниора,
мать его так, красная морда, точно зад мартышки,
документы, размышления, дневники, письма, рисунки,
справки, квитанции и совсем-совсем немножечко поэма,
вот и хорошо,

ты маленький, ты просто еще очень маленький маль-
чик, а я уже взрослая женщина, я хотела бы встретить
тебя лет через пять, что изменится, многое изменится,
во-первых, ты станешь старше, во-вторых, скоро придет
Борис,

раньше-то он был Бобочкой,
и я уже больше не смогу с тобой разговаривать, больше
не надо сюда звонить, я не подойду, я просто повешу
трубку, прошу тебя, перестань, мы просто расстались
на большой срок, просто ты уехал в Африку, ну хоро-
шо, это я уехала в Африку, ах ты хитрюжка, нет, нам
обоим в Африке делать нечего, где, под пальмами, не
хамите, парниша, нет, не уговаривай, так лучше и тебе
и мне,

и Бобочке тоже,
да, и Бобочке тоже,

сейчас начнутся всякие средневековые гнусности, мол,
сам Господь соединил нас узами брака и т. д. и т. п.,
нет, не начинаются,
а Бобочка дурак-дураком, и уши холодные, из него
такой же сценарист или режиссер, кто его знает, кто
он там, как из Марины монахиня,
убежать бы куда глаза глядят,
песчинка в пустыне, в этом городе, сити, виле, штадте,
сьюдаде, абаде, пуре,
вид обалдельй, с опущенными руками, часто хлопаешь
ресницами, зубами выбиваешь мелкую дробь,
у тебя нет родословной таблицы, а надо было бы соста-
вить, тайна твоей крови теряется в темноте ушедших
десятилетий, известно только имя деда, даже отчество
его неведомо,
как-то снялся Первого Мая под плакатом «продукция
химической промышленности», собственной персоной
на фоне нарисованных труб и ползущей вверх красной
стрелы,
цивилизованный человек,
продукт своего времени,
имеются,
паспорт с отметкой о постоянной прописке,
военный билет,
трудовая книжка,
студенческий билет, регулярно передаваемый различ-
ным лицам для проезда в различные места различными
видами транспорта со скидкой в 50%,
скоро будет диплом,
жуткое дело, какое количество нужных бумаг,
куда денешься без них,
как убежишь, куда глаза глядят,
эй, шеф, подбрось до «Украины»,
сейчас вез одного типа, какой-то ученый хмырь, нака-
тал его на два с лишним, а он, хмырь этот, мне сверх
пятак дал, нет, смешно, пятак дал, словно я нищий
какой,

на счетчике 1 рубль 23 копейки,
вылезай, приехали,
медленно отсчитываешь монетки,
1 рубль 23 копейки ровно,
удивленное лицо водителя,
ты же не нищий, приятель,
забившись в угол пьешь пиво из маленькой бутылочки
маленькими глоточками,
две лохматые немки выходят из лифта, шубы распах-
нуты, мини-юбки, просто некий символ, худые ноги,
отец сказал бы,
навезли нам всякой заразы, джаз, прически эти, клок
сюда, клок туда, бороды, Петр Великий еще бороды
брил, в Минске, говорят, всех волосатиков насильствен-
но стригут, и правильно делают, конечно, туризм — это
хорошая штука, большое дело, тут тебе и культурные
контакты, и взаимопонимание, а главное, что доллары,
мы на эти доллары ого-го, а с другой стороны, растле-
ние, наркомания, проституция,
одним словом, зловоние угасающего пресловутого «сво-
бодного мира», который все гниет, гниет и скоро совсем
сгниет, потому что в Италии каждый четвертый голо-
сует за коммунистов, во Франции, в Индии, пива больше
нет, последнюю бутылку только что продала, водки нет,
есть ликер, коньяк, есть, эту бутылку открыть или ту,
коньяк тоже хорошая вещь, даже лучше пива,
полдюжины рож глядит, как ты доза за дозой, доза за
дозой, пьянеешь,
вот уже чуть больше половины,
ты всегда так делаешь, красавчик,
наглая девица уходит, не получив ответа,
лениво жуешь шоколад,
какой-то шкет просит закурить,
отдаешь ему целую пачку,
удивлен и растроган,
угощаешь коньяком,
плачет,

похлопываешь его по плечу и удаляешься,
набрался прилично, а ни в одном глазу, конечно, ни в
одном, раз вспомнил, что забыл перчатки,
нет перчаток, кто-то увел, видно, слезливый тип,
а ну их,
и снова, чуть покачиваясь, идешь по вестибюлю, мимо
людей, хануриков, духариков, сопровождающих, отъез-
жающих, наблюдающих, белых, желтых, черных и да-
же одного охломона, который стоит у груды чемоданов,
лицо рябое, потому и примечательное,
тише, тише, тише, разве можно так делать,
все можно, если нужно,
огрызаешься, вылетая из вертушки, и спускаешься на
набережную,
к реке, к белой реке,
холодные огни на том берегу,
13 лет назад у другой реки, более широкой, с дедом
Порфирием,
очень сильно болит голова,
ловили рыбу с дедом Порфирием,
зимой и летом,
дед Порфирий умер, и никто не ходит на его могилу,
она заросла травой, скоро подгниет и повалится боль-
шой деревянный крест,
любите детей и жен, любите все человечество без раз-
личия кожи, языка и цвета глаз, едите, кушаете, жрете
тефтели,
какое жуткое слово,
пьете какао и томатный сок, флиртуете с полными жен-
щинами, с худыми женщинами, с блондинками и брю-
нетками, со всеми женщинами сразу, играете на деньги,
учтиво улыбаетесь, возводите и украшаете, предпочи-
таете портвейн вермуту, пользуетесь условиями Аэро-
флота, ублажаете мужчин, бьете посуду, не разрешаете
детям играть с огнем,
к вашим услугам наше ателье,
красиво, быстро, модно,

по пошиву мужской и женской одежды,
живите, вам разрешается,
устраивайтесь и благоустраивайтесь, укрепляйте мир,
разжигайте войну, убивайте во имя и просто для удо-
вольствия, регламентируйте, охраняйте, соблюдайте,
гарантируйте, предохраняйтесь от зачатия,
новогодний базар, елки,
палки, лес густой,
ты куда, идиот, смотреть надо,
гнувно визжат тормоза,
ходит Ваня холостой,
поешь песню, не обращаешь внимания,
с ума сошел, под колеса лезет, дурак,
прошел еще метров двести,
съехал на заду,
не стал искать шапку,
сорвал шарф,
сбросил пальто,
и пошел по белому, по белому, по белому,
оставляя черные следы...

НИНКА, РЫЖАЯ ОФИЦИАНТОЧКА: Ой, Зинка, что я тебе только расскажу. Знаешь уже? От кого? От Баха? Я так и думала. Ты пойдешь? И я не пойду. А Бах пойдет? Ну вот, Бах нам потом все и расскажет.

ЖОРА МЕРСИСОВ: Я тут днями в Самарканде побывал. По долгу службы. Интервьюировал одного местного гения. Любопытный экземпляр. Вопрос был следующий, не мной, конечно, поставленный, я же не кретин, кретины черную работу не делают. Итак, вопрос: чем вы объясняете бурное развитие науки и техники в XX веке. Отвечает: сразу сказать не могу, дайте сутки на размышления. Прихожу снова: надумали? Надумал. Отвечает: видите ли, в чем дело, в прошлом веке слишком много увлекались поэзией, нынешний век — век

атома, а прошедший — век Шекспира, Александра Дюма и «Могучей кучки». И главное, как удачно подобрал. Особенно «Могучую кучку». Очень уж это внушительно звучит. Там же в Самарканде познакомился с одним чудным стариком. Некто Юрьев, лет под восемьдесят, полвека прожил в Самарканде, был сослан туда в начале двадцатых годов, умница, владеет персидским, культуру Средней Азии знает назубок. Всю жизнь проработал бухгалтером. Получает пенсию 52 рубля. В комнате у него холодно. Есть уйма редчайших вещей. Из музея приходят: продайте. Нет, говорит, я без них жить не могу, вот умру, тогда все забирайте. Я обратился к нему с вопросом, конечно, не о науке и технике: — Вы, наверное, верите в Бога? — Нет, не верю. — Но ведь что-то должно было вам помогать, какая-нибудь молитва? — Молитва? — переспрашивает он, да, действительно, есть у меня одна молитва, я ее сам придумал и в трудные минуты, а их у меня было много, всегда обращался к ней. — Что же это за молитва? — А она у меня тут вот, на стене, написана. — Я глянул. Большими буквами выведено только одно слово: насрать! Это самая высшая форма молитвы, молитва, которая опирается на собственные силы, молитва, которая не просит у Бога, не славит, не хвалит. Вот так вот, с восклицательным знаком, и сразу жить легче. Что бы там ни было... Жаль, ему не успел рассказать про этого старика.

ВАЦЛАВ СИЗЫЙ-МЛАДШИЙ: Он же стекло выбил. Хулиган, хулиган! Жуткий вой подняли соседи. Мы говорим: разве не знаете, какое горе произошло? Знаем, знаем, только стекла бить незачем. А Левка не со зла разбил, не из хулиганства, а из душевной потребности. Очень уж нужно было ему опорожниться.

МАРИНА: Ах, если бы я знала!

МАДАМ: Это ужасно. Никогда не могла бы подумать. До сих пор не верю. Бедный мальчик. Гриша, как ты

считаешь? Нет, ты напрасно так. Вот Есенин, и Маяковский, и Марина Цветаева...

ГРИША: Не морочь мне голову. Жалко парня, но он был не в своем уме. Тут ничего уж не попишешь.

ТЕТЯ МОТЯ: Жалко, очень жалко. Была я с ним как-то на кладбище. Он плакал, а потом как закричит: мама, я скоро приду к тебе! Вот и пришел.

ПРОЗАИК Г: Слыхали? Жора Мерсисов написал повестушку. Читал уже? Ну и как? По-моему, просто беспардонно. Эта явная претензия... Бесмысленное оригинальничанье... Нарочито небрежный стиль... А в сущности простая безграмотность... Жалкие потуги... Цинизм... Откровенная пошлость... Хочется вымыть руки... Выбросить в мусорную корзину... Герой... просто тряпка... испорченная беспочвенными мечтаниями натура... капризный характер... меланхолия... безнравственность и застой... находится под влиянием собственной гордыни... на деле не может да и не хочет ничего... у Мерсисова определенно есть кое-какие задатки... но пусть уж он лучше пишет о листопаде, снегопаде, звездопаде... это у него лучше получится... или переводит стихи... говорят, что из плохих писателей получаются хорошие переводчики...

ДУРАК-СОСЕД: Ну и дела! Очень озадачен всем этим. Не знаю, что и сказать!

Толкаются,
потеснитесь, тут есть еще место,
и тут есть,
пахнет жареным,
рассаживаются,
там родственники, там товарищи,
кто чего скажет,
вот я скажу,
возникает какой-то тип, натуральный кролик,
кто и откуда,

оказывается, во дворе на скамейке забивал «козла», вот
и пригласили за компанию,
говорит,
вот, значит, собрались мы тут по поводу события, что
такого, просто несчастный случай, с кем не может прои-
зойти такое дело,
садись, дядя, теперь я скажу,
его удерживают, но он встает,
парень по фамилии Пупырышев, твой друг по средней
школе,
сказать ничего не может,
дрожит рука, водка льется на стол, плачет,
а до этого
приводили в порядок жилище,
все перевернули вверх дном,
сорвали со стен фотографии,
остался только большой портрет мамы,
привезли много водки,
а до этого
на набережной следили за работой водолазов,
уже второй день ищут,
некто сведущий сообщает,
это он на спор сделал, с мальчишками поспорил вот и
утопнул,
лед ведь такой тонкий,
а по центру вообще льда не было,
нашли, нашли,
толпа глядит, как твое замерзшее тело грузят в ма-
шину,
обсуждает,
молодой такой,
пьяный был наверное,
а может, кто и убил,
ему трос с моста кидали,
тут еще метров десять и мелководье,
говорят, перед тем как уйти под лед, он крикнул «мама»,
темная история,

чего там темная, дело простое, пьяному море по колено,
но это потом,
а сейчас —
идешь по белому, по белому, по белому,
оставляя черные следы,
туда,
вперед,
кричат с берега,
а ну вас,
никто не хочет получить памятные часы или медаль,
смотрят, как приближаешься к полынье,
снова кричат,
кричат,
а ты,
ты идешь по белому,
туда,
к полынье,
вперед,
лед проваливается под ногами,
вперед,
делаешь последний шаг,
свой последний шаг,
свой последний шаг,
шагаешь в такую благодать,
вступаешь в такое,
в такое,
мутные огоньки отражаются на воде...

Москва, 1971-1972.

КУШЕВ
Евгений Игоревич

ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА

роман

Художник — Александр ШАХГЕЛДЯН

Сдано в производство 20.5.1994 Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Сдано в печать 20.7.1994

Издательство «Мосты» —

Россия, 105264, Москва

Измайловский бульвар, 31/14-16

ЛР № 062789 от 26.06.93

В 1994 году в издательстве вышли:

Борис Рахманин. РУССКАЯ НОЧНАЯ ЖИЗНЬ. *Роман*

Юлия Вознесенская. ЛЮБИМЫХ УБИВАЮТ ВСЕ. *Роман*

Сильва Рябичева. ПУТЬ К СЕБЕ. *Стихи*

Виталий Скуратовский. ГРИМАСЫ НОВОГО.

Сатирические рассказы и афоризмы

Юрий Рябинин. ОПЕРАЦИЯ ДОКТОРА СНЕГИРЕВА.

Повесть и рассказы

Павел Гаук. НАСЛАЖДЕНИЕ. *Стихи*

Ян Скуратовский. ЧЕРНЫЙ ЮМОР НА БЕЛОЙ БУМАГЕ.

Карикатуры

Евгений Кушев. ОТРЫВКИ ИЗ ТЕКСТА. *Роман*

Владимир Батшев. ИЗМАЙЛОВСКИЙ РОМАН.
ИНСТАНЦИЯ

МОСТЫ. В 2-х томах. Альманах

Владимир Капранидзе. СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИЙ.

Сатирические рассказы и монологи

Владимир Буров. БИЛЕТ ДО МОНТЕ-КАРЛО. *Романы*

Каталог издательства "МОСТЫ-94"

МОСТЫ

Альманах российских и русских зарубежных писателей

В альманахе собраны произведения писателей метрополии и диаспоры — как новые, так и опубликованные в малотиражных изданиях. Среди авторов диаспоры писатели четырех волн эмиграции, а среди российских — малоизвестные широкой публике, но талантливые поэты, публицисты и прозаики.

Среди авторов первых двух выпусков альманаха — Абрам ТЕРЦ, Борис РАХМАНИН, Евгений ДАНИЛОВ, Андрей ШАЦКОВ, Роман СЕФ, Кристина ЗЕЙТУНЯН-БЕЛОУС, Сергей ЛАРИОНОВ, Евгений ТРИФОНОВ, Юлия ВИШНЕВСКАЯ, Лев ГУНИН, Юрий РЯБИНИН, Владимир КАПИАНИДЗЕ, Виталий СКУРАТОВСКИЙ, Алла РАХМАНИНА, Владимир БАТШЕВ, Александр АЛШУТОВ, Эрне КУДУ, Александр ВАСЮТКОВ, Рут ЭККАРД, Олег ПРИХОДЬКО, Виктория АНДРЕЕВА, Владимир ЛЕМПОРТ, Александр МОРОЗОВ, Александр ГЛЕЗЕР, Илья БОКШТЕЙН, Аркадий РОВНЕР, Павел ГАУК, Ирина ПУТЯЕВА и другие.

В разделе "ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ" — малоизвестная статья кн. Е. Трубецкого, а в разделе "НАСЛЕДСТВО" — произведения Ивана САВИНА, АЛЕКСАНДРА СОЛОДОВНИКОВА, Леонида ПЫЛАЕВА.

В планах:

Олег Приходько. ОДИН В ЧУЖОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

Роман

Евгений Кушев. ЯДРЕНАЯ ГЛУХОМАНЬ. Фельетоны

Сергей Юрьевен. ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ. Роман

Леонид Ицелев. ДИПЛОМАТ И КУРТИЗАНКА. Роман

Юлия Вознесенская. НОВЫЙ РОМАН

Марк Кабаков. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Игорь Коротков. И СМЕРТЬ В УТЕШЕНИЕ.

Исторический роман

Сергей Ларионов. НА ПОРОГЕ МИРОВОЙ СЛАВЫ.

Повести

Владимир Батшев. ЛЮБОВНИКИ. Роман

"МОСТЫ". Альманах. Выпуск 3 и 4

Евгений Данилов. ВЫКУП ГОСПОДЕН. Стихи

Очень интересный опыт нового романа дает нам Евгений Кушев. Кушев дебютировал в самиздате стихами в 1964 году. За сотрудничество в подпольном журнале "Тетради социалистической демократии" и за участие в демонстрации в защиту писателей Синявского и Даниэля он был арестован в январе 1966 года, исключен из Московского университета, где он учился, и заключен на полтора месяца в психиатрическую больницу. В 1966 году в подпольном журнале "Русское слово" были помещены некоторые его стихи. В 1967 году он был арестован вместе с В.Буковским и В.Делоне и приговорен к году тюрьмы. На Западе вышли отдельной книжкой его стихи и повесть "Феодал". Однако как стихи эти, так и повесть (рассказывающая о любви простого паренька из рабочей семьи к дочери секретаря райкома в одном провинциальном городке и конфликте этого паренька с местной советской правящей элитой) представляют собой незрелые юношеские опыты, что позволило, тем не менее, многим поспешно составить себе категорическое суждение о его таланте. Тем более приятным сюрпризом оказалась последняя работа Кушева -- "Отрывки из текста", отрывки, ибо весь текст, по мнению автора, могли бы написать лишь сами герои произведения (часть романа была напечатана в виде повести в "Гранях" № 91 за 1974 г.) В романе -- картины московской богемной жизни, писатели, артисты, журналисты, неприкаянные, разочарованные в жизни молодые люди, советские "разгневанные". Все три героя книги, молодые люди совершенно разного социального происхождения -- студент, питающий глубокое отвращение к окружающей пошлости, лжи и лицемерию, рабочий паренек и бездельник элитарного происхождения -- кончают жизнь самоубийством. Каждая глава романа состоит соответственно из трех кусков -- "я", "ты" и "он". В этой новой книге Кушева -- окрепшая уверенность в почерке, владение формой, вполне зрелый писательский язык. В отличие от большинства нынешних молодых модернистов, чересчур крикливо выпячивающих свое "я", Кушев более уверен в своих силах, что дает ему сдержанность. Его описания точны, диалог выразителен, подтекст всегда доходит. Во внимании к деталям, к вещам, к предметности мира есть что-то от техники "нуво роман". Но "вещность" -- лишь один из аспектов. Другой аспект -- внутренний монолог, поток сознания. Целые страницы, данные единым дыханием без точек и запятых, как кинолента, прокручиваемая на повышенной скорости, дают ощущение безысходной тоски и бессмысленности жизни, безысходности и бессмысленности, доводящей до отчаяния незаурядного по своим задаткам героя.

Ю. Мальцев
"Вольная русская литература"

Да и нет
добро и зло
белое и черное

таким представляется тебе все сущее в двенадцать лет
ты уже большой и тебя окружают Викторы Гюго со
всякими там гуманизмами

— Удивизм, коллега, имеет большое будущее. На-
ше призвание не удивляться, а удивлять. Лёвке как раз
нужны ученики...

а сама спрашиваю кто там а в от-
вет откройте милиция нет заявляю не открою мы вам
не звонили думаю действительно какая может быть
милиция а они требуют откройте мы по очень важному
делу

героическое
героического
героическому
героическим
о героическом

правда и ложь
прекраснодушные люди